

ИГОРЬ ГАТИН

БАТАРЕЯ, ПОДЪЁМ!

18+

Игорь Борисович Гатин

Батарея, подъем

Серия «Городская проза»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60829331
Батарея, подъем! / Игорь Гатин: АСТ; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-121159-2*

Аннотация

Армия... Однажды случившись в жизни мальчишки, она меняет его навсегда. Принято считать, что в армии полно идиотизма, несправедливости и неоправданной жестокости. Но случайно ли так сложилось? Почему едва за спиной захлопываются зеленые ворота с красными звездами, как новобранцы теряют практически все гражданские права и оказываются в условиях постоянного физического и психологического прессинга? Ежедневного, жесткого и целенаправленного... Почему армейская система методично и неуклонно стремится выдавить из срочника всё человеческое и прежде всего чувство собственного достоинства и способность мыслить самостоятельно? Автор получил ответ на этот вопрос во время службы на ракетной точке в Сары-Шагане. Ответ неприятный и честный. Он дорого стоил, но он того стоил! Потому что ответ гораздо шире вопроса. И зная его, ты перестаёшь быть мальчишкой и становишься мужчиной...

Содержание

Часть I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Игорь Гатин

Батарея, подъем!

Часть I

Холод

– Батарея, подъём!

Зычный голос оставался на периферии сознания и почти не мешал разворачиваться неотчётливым, но приятным событиям. Почему-то было очень важно прояснить некое обстоятельство, и всё шло к тому, что ситуация вот-вот разрешится наилучшим образом. Но дробный перестук, напоминающий топот множества копыт, сварливо вмешивался в происходящее, не давал сосредоточиться, пока окончательно не выдернул его из глубокого, уютного, «гражданского» сна.

Реальность была отвратительна. Длинные шеренги железных двухъярусных кроватей. Узкие проходы между ними заполнены суетливыми фигурками в белых нательных рубашках и подштанниках. Тусклый свет. Тяжёлый, спёртый воздух, наполненный испарениями множества тел, с резкими нотами свежей кирзы и портянок.

Угловатые фигуры, торопливо облачаясь в зелёное, спеш-

но выдирались из узких межкоечных пространств и, задевая друг друга и сталкиваясь, вливались в широкий, ярко освещённый центральный проход. Бледные, острые лица, торчащие уши на стриженных головах, очумелые, испуганные глаза – он в армии...

Чувство безысходности и неотвратимости происходящего глухо засело где-то глубоко внутри. Оно прищипывало, заставляя судорожно натягивать зеленоватомышиную форму – штаны-галифе и ещё не обтёртую, ломкую гимнастёрку со множеством блестящих золотых пуговиц – на каждой пузатая латунная звезда с серпом и молотом. Толстые пуговицы не лезут в узкие, свежие прорези – чёрт с ними, потом застегнём. Теперь портянки, как их там наматывать? А ладно, сунем пока в глубокие карманы галифе, где может поместиться по тому «Войны и мира», а босые ноги – в грубые, жёсткие сапоги. Ремень в руки, и – в строй. Быстрее, быстрее. Успел!

А там что такое? К центральному проходу с межкоечной периферии вылетело огородное пугало – внизу маленький щуплый киргиз в растёгнутой гимнастёрке и с сапогами под мышкой, на подгибающихся ногах и с диким выражением в вытаращенных, но всё равно узких глазах. На нём, то есть у него на плечах, – двухметровый эстонец Тамм, крепко вцепившийся в стриженую голову киргиза.

– Становись! – багровея лицом, ревёт старшина. – Равняйся! Смир-р-рна!

Какой там! Новобранцы продолжают лихорадочно застёгиваться, толкаясь и суетясь. Сержанты надрывают глотки и щедро раздают пинки и затрещины. И кажется, что нет ничего важнее на свете, чем вёрткая, упрямая пуговица, не желающая входить в тугую, неработанную прорезь...

Не добежав двух шагов до строя, рухнул киргиз, а с ним вместе и угловатый, долговязый Тамм. Словно огромное членистоногое, дробно застучал эстонец по натёртому мастикой полу своими жёсткими конечностями. Даже суровое, обветренное лицо старшины, молдаванина Визитиу, невольно разгладилось и изобразило ухмылку. Разбуженный, но не проснувшийся Тамм прыгнул со своего второго яруса прямо на судорожно застёгивающегося Эркенбаева, а тот, движимый лишь паническим страхом опоздать в строй, рванул к центральному проходу, не обращая внимания на свалившееся препятствие. Эта комичная ситуация спасла батарею от неминуемой расправы.

Они бегут. В строю. Как всегда. В армии всё происходит в строю. Шеренги по четыре. Впереди костлявая спина Арвидаса Петраускаса в пузырьём надутой гимнастёрке. Справа крепко сбитый Вартан Арутюнян, сзади невозмутимый Шерзод Халилов. Слева тяжело дышит и багровеет пока ещё круглым лицом Боря Груздев. Вокруг темнота и ледяной ветер. Над головой прозрачное чёрное небо и холодные равнодушные звёзды. Таких звёзд не увидишь в городе. Они яркие, и их очень-очень много. Иногда они дрожат и подмиги-

вают. Но не тебе. А кому? Неизвестно... Они слишком холодные и равнодушные, чтобы подмигивать живому.

Спорт и физические нагрузки давно стали неотъемлемой частью его жизни. Но этот бег в строю с последующей зарядкой – ни то и ни другое. Это какое-то иррациональное, коллективное жертвоприношение злобному богу по имени Устав. Нечто напоминающее шаманский обряд с неочевидными целями. Они мёрзнут до одури. Замёрзли руки, ноги, уши, сопли в носу. Зачем? Почему? Кому это надо? Впрочем, никого не интересовало мнение рядового Романова на этот счёт. И это первое, что он усвоил, но никак не мог внутренне согласиться: в армии есть только одно мнение – командирское. Оно же – правильное. Даже если это младший сержант Омельчук. И никого не интересует мнение нижестоящего, которое лучше всего засунуть... Ну, в общем, куда-нибудь засунуть. А он – ниже некуда... И впереди ещё два года... Как же холодно, чёрт возьми!

* * *

На память невольно приходит, как ещё совсем недавно они – группа призывников-москвичей, куда по иронии судьбы попал и он, в разношёрстной одежке, с которой не жаль распрощаться, – тряслись в пазике. Кто-то уже был стрижен наголо, кто-то – нет, но почти все с перепоя. Галдели, перекрикивая друг друга, стараясь казаться остроумными и за-

лихватски-отчаянными. Вот уж сейчас покажем этим дедам, где раки зимуют, – пусть только сунутся... Он тоже был охвачен всеобщей эйфорией, которая замысловатым образом сочеталась с остатками тяжелейшего похмелья. Позавчера он в узком кругу отметил собственный призыв в армию. Отметил так, что отдельные события вечера только сейчас выплывают из темноты. Вот он клянётся кому-то писать каждый день, говорит, что любит и всегда любил... Вот недотрога Маринка Сергеева, которая никому не давала и, похоже, была целкой, сама положила руку, куда он и мечтать не смел. А потом её голова нырнула вниз... и спустя непродолжительное время с ним случилось извержение вулкана!

Пазик проехал проходную, и за ними с лязгом закрылись железные ворота с красными звёздами. Все притихли. Потом они долго и бестолково строились на каком-то плацу. А потом их строем повели в баню. Раздеваясь в холодном предбаннике, они аккуратно складывали свои вещи, втайне ощупывая хитро зашитые за подкладку деньги. Как же тут холодно, чёрт возьми, скорее в баню, греться.

Опа! В большом помещении с десятком торчащих из стен душевых леек было ещё холоднее. Под окном с зачем-то открытой форточкой намело белый холмик, который не спешил таять... Голые, посиневшие, покрывшиеся гусиной кожей, они ринулись яростно крутить краники на душах, откуда тонкой струйкой потекла... холодная вода. Какое-то время они ещё метались, суется и толкаясь, но тут открылась

дверь предбанника, где они оставили вещи, и оттуда как-то слаженно выскочили несколько фигур в зелёном. Эти фигуры, ловко перетянутые коричневыми ремнями с блестящими бляхами и в начищенных чёрных сапогах, дружно рассредоточились по помещению и на удивление быстро, не встречая сопротивления, словно псы овечье стадо, вытеснили их в противоположную дверь. В этой узкой и длинной комнате на дли иных же лавках лежала новенькая зелёная форма, а подлавками стояли чёрные кирзовые сапоги. Своей гражданки они больше не увидели. Тогда же Ромка понял, что физическая сила не играет в армии определяющей роли. Главное – слаженность коллективных действий и абсолютная уверенность в себе.

* * *

– Товарищ младший сержант, можно войти?

– Можно Машку за ляжку, козу – на возу! А в армии – разрешите! Повторить!

– Можно Машку за ляжку, козу – на возу! А в армии – разрешите! Разрешите войти?

– Заходите.

Младший сержант Омельчук был невероятно туп, косноязычен и так же невероятно исполнительен. За это его и оставили в учебке «замком» – заместителем командира взвода. Причём именно за сочетание столь замечательных качеств.

Ах да – они попали в сержантскую учебку, где из них четыре с половиной месяца будут готовить младших командиров. Таких же, как Омельчук, вероятно... Наверное, им повезло – в учебке нет и не может быть пресловутой дедовщины – они все одного призыва. Но есть кое-что похуже – старший сержант Осокин, замок первого взвода, дед, реальный хозяин батареи в отсутствие офицеров и прирождённый садист... Тот же Омельчук боится его, будто сам всё ещё курсант.

– Справа по одному строиться на улице бегом марш!

Торопливо, один за другим они выбегают и строятся на улице. Вчерашние школьники, студенты, рабочие; мальчишки из благополучных семей и отъявленная шпана; русские, узбеки, армяне, прибалты; москвичи с Петровки и обитатели высокогорных аулов – они галдят и толкаются. Каждому представляется, что он – единственный и неповторимый... И какого хрена сосед наступил на ногу?! Дать бы ему сейчас с разворота в харю! Или хотя бы донести своё намерение... Но на улице уверенный минус, они в одних лишь гимнастёрках, и осознание собственной значимости быстро улетучивается. Пока выбегают последние из ста сорока человек, первые успевают основательно дать дуба. Появляется новое, неизведанное чувство коллективной ненависти к замыкающим, которые не жили в тепле, пока они тут стояли и ждали под пронизывающим ветром. Но и это новое чувство, не успев окрепнуть, растворяется в морозном воздухе, когда последним из казармы появляется ладный, хорошо сложенный, в

безукоризненно подогнанной форме старший сержант Осокин. Холодные, с тусклым свинцовым оттенком глаза пристально осматривают замерший строй. Едва заметно раздуваются и опадают крылья тонкого хрящеватого носа. Вся эта гибкая, сильная фигура с бездушным немигающим взглядом напоминает кобру, постоянно готовую к молниеносному губительному движению.

– Отставить!

Кажется, что сам Осокин не чувствует холода вовсе.

– Две сорок одна! Не укладываемся. Будем тренироваться. Слева по одному в казарму строиться на центральном проходе бегом марш!

Почему такая несправедливость! Эти коротышки выбежали на улицу последними, а возвращаются первыми! Острая ненависть непонятным образом минует самого Осокина и проецируется на малоросликов. Ну, суки, дайте до вас добраться!

– Справа по одному строиться на улице бегом марш! Да что ж за хрень такая! Даже не успели подуть на красные замёрзшие пальцы. Но времени на эмоции нет. Снова бегом сквозь узкую, крашенную отвратительной жёлтой краской, всю в мелких потёках дверь. Снова суетливое построение перед казармой. А между тем начинает светать.

– Равняйся! Смир-рна!

Ну слава богу! Сейчас помаршируем в столовую на завтрак. А там тепло, там еда!

– Отставить! Разговорчики в строю!

Сердце ухнуло куда-то в пустой желудок. Нет, сто сорок сердец ухнули в сто сорок пустых желудков.

– Я вас научу свободу любить! Слева по одному в казарму строиться на центральном проходе бегом марш!

Забегали, построились.

– Справа по одному, строиться на улице, бегом марш!

Выбегали деловито, молча, споро. Сознание практически не участвовало в происходящем. Очоченевшее тело тем не менее двигалось весьма проворно, никаких лиш-нихдвижений. Инстинкт самосохранения подавил всякие глупые эмоции вроде ненависти к последним, старшему сержанту Осокину, Советской армии и самой социалистической родине.

– Равняйся! Смир-рна! Направо! В столовую шагом марш!

Ух ты, наконец-то! Они смогли! Теперь быстрее добраться до столовой!

– Песню запевай!

«Через две, через две весны! Через две, через две зимы! Отслужу, отслужу, как надо, и вернусь!» – вырывалось в хмуро-рассветное, немывтое ноябрьское небо.

– Стой, раз-два! Почему шаг не печатаем? Будем тренироваться! На месте шагом марш! Раз-два, раз-два!

Господи, сколько это будет продолжаться? Они маршируют на месте уже чёрт-те сколько и орут при этом песню, выпуская клубы пара в окончательно посветлевшее небо. В конце концов, завтрак положен по уставу! Будто услышал, сука!

Двинулись...

– Стой, раз-два! Налево! Справа по одному в столовую бегом марш!

Ура!

– Отставить! Становись! В столовую забегаем строго по одному, а не ломимся как бараны! Будем тренироваться. Кстати, на завтрак осталось десять минут. Равняйся! Смир-рна! Для приёма пищи справа по одному в столовую бегом марш!

Ура! Вот и грубо сколоченные столы с деревянными лавками на десять человек. На столе большая кастрюля каши дробь-шестнадцать – мелко перемолотая перловка со слоем растопленного комбижира сверху в палец толщиной, алюминиевый чайник с остывшим чаем и подносы с крупно нарезанным хлебом. Но главное – две алюминиевые тарелки: на одной белый, кусковой сахар горкой, на второй – ровно десять цилиндриков сливочного масла, по двадцать граммов каждый. Должно быть по двадцать граммов...

– Отставить! Строиться на улице бегом марш!

Сука! Сука! Сука!

– Равняйся! Смир-рна! Вы чё, решили со мной в игры поиграть?! Я сказал: забегаем молча, строго по одному, не толкаясь и не обгоняя других! Ясно?! Не слышу!

– Так точно! – вразнойбой отвечает строй.

– Не слышу!

– Так точно! – ревёт строй так, что вороны с криком сни-

маются с деревьев.

– Для приёма пищи справа по одному в столовую бегом марш!

Вот и столы. В полной тишине мелькают руки. Лишь позвякивают алюминиевые миски. С небывалым проворством работают челюсти. На кашу времени нет. Первым делом одним куском заглатывается масло, потом огромный кусок белого хлеба – свежайший, выпеченный ночью в своей пекарне солдатами из хозвзвода – ничего вкуснее в своей жизни рядовой Романов ещё не ел. Точнее не глотал. Так, сахар быстро не разжевать. И хочется сунуть в карман, чтобы потом не спеша посасывать, смакуя, но нельзя – проходили... А потому быстро в чай – намочить и – в рот! Ещё укус хлеба на пол-ломтя, может, кашу успе...

– Приём пищи закончить! Встать! Строиться на улице!

Казалось, нет силы, что выгонит их из тёплой, пахнувшей свежим хлебом столовой обратно на мороз, но вот она – стоит, пружиня с пятки на носок, и презрительно втягивает хищным носом, и молниеносно сканирует столы. И можно не сомневаться, что замешкавшийся, решивший запихнуть в рот остающуюся краюху, будет взят на заметку если не самим Осокиным, то старшим сержантом Рахмановым, тоже дедом и замком второго взвода, или тем же недотёпой, но чрезвычайно старательным недотёпой Омельчуком. И тогда случится самое изощрённое издевательство – персонально из-за него показательно будет наказана вся батарея. На-

пример, по дороге в казарму завернут на плац и помаршируют там минут пятнадцать. А любитель доест будет выведен из строя, чтобы все видели, кому обязаны обмороженными руками. Излишне упоминать, что после отбоя несчастному устроят тёмную...

– Становись! Равняйся! Смир-рна! Налево! В казарму шагом марш! Ать-два! Ать-два! Песню запевай!

«Через две, через две весны! Через две, через две зимы! Отслужу, отслужу, как надо, и вернусь!»

* * *

Личное время. Уставом предусмотрено личное время – целых полчаса. Рядовой Романов не мог в это поверить, когда впервые за две недели службы сидел и не спеша подшивался. То есть подшивал подворотничок – сложенный втрое лоскут белой, свежестырированной и выглаженной им же самим ткани размером с носовой платок. Подшивал мелкими, аккуратными стежками, а не как обычно перед отбоем – торопливыми, гигантскими нахлёстами. И под это умиротворяющее занятие получалось даже думать – тоже впервые за две недели. Казалось, что прошли годы, а не четырнадцать дней – так драматично поменялась его жизнь. Он впервые осознал смысл выражения «Близок локоток, а не укусишь!». Так и гражданка – вот вроде где-то совсем недалеко шумит обычная жизнь, снуют люди по своим обычным житейским

делам, разговаривают, спорят, смеются. И не понимают, как они счастливы! И как счастлив был он каких-то две недели назад. Хотя тогда ему казалось, что он безнадежный неудачник и его жизнь летит под откос. И армия представлялась идеальным выходом, и он спешил надеть форму, романтизируя армейское будущее. Об армии он судил по патриотическим фильмам про десантников и радовался, что там пригодятся его физические навыки.

Близка гражданка с её смешными, надуманными проблемами, а всё – не укусишь! Два года – нет, целая вечность отделяет его от жизни. И не понимают люди там, на воле, как не понимал этого он ещё недавно, какое это счастье – свобода! Когда просто можешь пойти, куда захочешь, присесть на лавочку, постоять под дождём, подставляя лицо холодным, крупным каплям. А потом зайти куда-нибудь и согреться. А зачем куда-нибудь, если можно зайти в булочную, купить батон с изюмом, идти по улице и есть его, улыбаясь встречным девчонкам. И съесть весь. А потом купить бутылку лимонада и выпить её всю, не отрываясь, большими жадными глотками. И весело защекочет в носу, и захочется чихнуть... Ромка почувствовал, как глаза подёрнулись какой-то влажной пеленой, он стал плохо различать стежки. Воровато оглянувшись, вытер глаза рукавом белой исподней рубахи. Ему даже не стало стыдно – так невыносимо упоительно было воспоминание – тонкая ниточка, протянувшаяся сквозь время и бетонные заборы с колючкой, соединившая его с самым до-

рогим, как выяснилось, что есть у человека, — со свободой. Казалось невероятным, что ещё совсем недавно он был не бессловесным и бесправным рабом, то есть рядовым Советской армии, а студентом второго курса МГУ и перед ним открывались совсем иные перспективы...

— Романов!

— Я!

Ромка вскочил. Младший сержант Омельчук тяжело дышал и выглядел как собака, наконец-то нашедшая брошенную ей палку:

— Ты это... вот... где тебя черти носят?!

Ромка с удивлением обернулся: он сидел на табурете рядом со своей кроватью и тумбочкой, на которой висела бумажка с его фамилией. Омельчук перехватил взгляд и тоже смог убедиться, что на тумбочке чёрным по белому написано «Романов». На незамысловатом лице сержанта боролись несложные эмоции. Очень хотелось сорвать злость на рядовом за то, что он, сержант, как гончая тупо дважды обежал казарму, не догадавшись сразу проверить самое очевидное место. Но... как всегда в его случае, победила исполнительность:

— Бегом в Ленинскую комнату! Старший лейтенант Сдобное вызывает!

Было видно, что Омельчук крайне недоумевает, зачем командиру взвода понадобился какой-то Романов. Да ещё срочно...

- Товарищ старший лейтенант, разрешите войти!
- Заходи, заходи...
- Товарищ старший лейтенант, курсант Романов по вашему приказанию явился!
- Являются духи во сне. А в армии?
- Товарищ старший лейтенант, курсант Романов по вашему приказанию прибыл!
- Вольно! Проходи, присаживайся... Тебя же со второго курса МГУ призвали, экономический факультет?
- Так точно!
- Значит, в политэкономии и марксистско-ленинской философии шарить...
- Так точно! В пределах двух семестров!
- Достаточно, – лейтенант усмехнулся. – Будешь конспекты за меня писать к политзанятиям. Прямо сейчас садись и начинай. Вот темы, а то я прошлый раз пропустил, так надо нагонять. Чтоб к утру было готово – иначе замполит мне голову оторвёт, а я с тебя шкуру спущу! Всё ясно?
- Так точно! А как с вечерней поверкой быть? И после отбоя?
- На поверке быть, а после отбоя сиди и пиши сколько влезет – старшину я предупрежу... И чтоб к утру было!
- Есть!

Командир тяжело поднялся. Его мысли были уже далеко от рядового Романова, которого он, в общем-то, не считал за человека. И не потому, что старший лейтенант Сдобное

был высокомерен или обладал манией величия. Нет, нет и нет! Вся система, вся Советская Армия, все четыре миллиона человек, носящих зелёную форму, не считали Ромку за человека. Как, впрочем, и остальных «духов» и «молодых». Не он первый, не он последний. Право быть человеком надо ещё заслужить. Точнее, выслужить.

Он сидит и пишет, совершенно по-новому ощущая шариковую ручку в потемневших и огрубевших пальцах. И совсем иначе воспринимаются ленинские слова. Они будоражат мозг, впавший в спячку, заставляют шевелиться мысли, не востребованные в солдатской жизни. Увлёкшись, он на время забывает, где находится. Ленинская комната – самое тёплое место в казарме, и кажется, что он засиделся в университетской читалке, готовясь к семинару. Но вскоре голова наливается свинцовым туманом, веки начинают часто моргать, а потом глаза и вовсе слипаются. А он ещё до середины не добрался. Помотал головой – не помогает: мысли разбегаются в разные стороны, играют в салочки и пятнашки. Организм, прошедший почти весь день на морозе в бесконечных строевых занятиях, непонятно зачем нужных в таком объёме ракетчикам, хочет лишь одного – спать. И только неотвратимость жестокого наказания удерживает мозг от нестерпимого желания немедленно провалиться в чёрную дыру. Он третий раз бежит в туалет умыться холодной водой. На этот раз полностью суёт голову под ледяную струю и ждёт, пока не начинает ломить череп. Часы показывают половину

второго, когда он под завистливым взглядом дневального на тумбочке добирается до кровати. Дальше провал.

– Батарея, подъём!

* * *

Они снова бегут. Снова в строю. И опять холодно. Даже холоднее, чем прежде. Уже декабрь. Но ему почему-то легче. Морально. Толи притерпелся, толи тело закалилось. Уже не так удручает безысходность и бессмысленность происходящего. Он научился мечтать даже в строю – тело мёрзнет в подмосковном лесу, а мысли переносят его в белорусское Полесье! Он в партизанском отряде, они с товарищами на боевом задании – нужно пустить под откос поезд с боеприпасами. Вокруг фашисты... и нельзя проронить ни слова, упа-си бог звякнуть оружием – в морозном лесу звук раздаётся очень далеко. Подумаешь, холодно! Главное – выполнить задание и остаться в живых. Вековые ели в шапках снега как нельзя лучше иллюстрируют происходящее и здесь и там. И конечно, звёзды... Сорока на хвосте принесла, что зима в этом году такая же морозная, как в 1941-м, когда немцев остановили под Москвой. Пальцы не гнутся, уши перестали даже чесаться, значит, снова обморожены – опять почернеют, а потом кожа будет слезать с них крупными лоскутами. Раньше, на гражданке, он бы переживал – как же так, что же теперь с ним будет? А ничего не будет, или какая разница,

что будет, — они скоро в казарму вернутся, а потом на завтрак строим и с песней. А их деды в такой мороз гитлеровцев остановили, неделями в окопах и землянках жили, не говоря уж, что воевали, а не строим ходили!

— Стой! Раз-два!

* * *

Первая посылка излома. Большой фанерный ящик, куда мама любовно укладывала конфеты и печенье, яблоки с их старенькой дачи. Что там было ещё, Ромка разглядеть не успел: десятки рук, жадно и с необычайным проворством вытесняя его собственные, погрузились в ящик, и вот он понимает, что с ним остались лишь две пригоршни конфет, которые он успел зачерпнуть в первый момент, а ящик безнадежно пуст. Нет, в углу притулилось одинокое яблоко, но тут же худая и смуглая рука протиснулась откуда-то из-под его подмышки и яблоко мгновенно исчезло. Стало невыносимо обидно. Не жалко содержимого посылки, а именно обидно, что мама старалась, пытаясь послать ему своё тепло, любовь и поддержку, а эти немытые шустрые руки так варварски всё расхватали... Впрочем, он тоже участвует в подобных пиратских набегах на чужие посылки, предав чувство собственного достоинства и казавшиеся незыблемыми правила приличия. И его руки так же жадно выхватывают из чужих ящиков незнакомые южные фрукты, кругляши солёного твёрдо-

го сыра, домашнюю колбасу или сало... Так что обижаться, собственно, не на кого и не на что. Никто не виноват, что они как-то удивительно быстро и незаметно превратились в ожесточённых, голодных и очень проворных существ, одновременно забитых и агрессивных, – мерлоков, чутко реагирующих на любую возможность поживиться.

Легко и приятно быть великодушным и щедрым, когда ты делишься избыточным благом, будучи тепло одетым и сытым. Но когда твои базовые потребности не удовлетворены, когда организм стремится выжить и не имеет возможности откладывать на чёрный день, когда мгновенно усваивается всё, что случайно перепало, а то, что потребил другой, не достанется тебе – вот тут проявляются глубинные человеческие качества. И Ромка неожиданно стал замечать, что не вся окружающая его человеческая масса однородна, не все стриженные фигурки одинаковы. Вот стоит чуть в стороне и неодобрительно оглядывает возбуждённых сослуживцев, увлечённо заглатывающих трофеи из Ромкиной посылки, Варган Арутюнян. А вчера, когда они, как обычно, судорожно жевали или, скорее, глотали не жуя обед, Паша Сейфуль-Мулюков наклонился к Шерзоду Халилову и что-то говорил ему, указывая взглядом на Боря Груздева, и презрительно улыбался. Ромка, перехватив его взгляд, невольно стал жевать медленнее.

Он вспомнил об этом глубокой ночью в наряде. Когда поймал себя за совершенно немислимым прежде поступком.

Они уже несколько часов чистили свинарник в подсобке. Проше говоря, тачками вывозили свинячье говно на улицу, где грузили его в самосвал. На улице стоял свирепый мороз за минус тридцать. Довольно жидкое говно мгновенно схватывалось, и нужно было быстро забегать по узкой, шаткой доске на борт самосвала и опорожнять содержимое тяжелой тачки в его зияющее чрево, с трудом при этом балансируя на самом краешке – обидно, однако, было бы утонуть в дерьме. Зато потом можно слегка отогреться и передохнуть в помещении свинарника, пока пара однополчан лопатами наполняет твою тачку. Воняло так, что щипало глаза, но было тепло. Впрочем, он быстро принялся. Вначале очень хотелось спать, но как-то незаметно всё вошло в некий однообразный, монотонный ритм и тело перешло в сомнамбулическое состояние непрерывного чередования – тепло-холод, вверх-вниз, вонь – свежесть морозной ночи. Пока не появилась новая вводная – чувство жестокого голода. Ужин был давно переработан и усвоен – физический труд на периодически свежем воздухе, молодой, растущий организм. Тут-то он и вспомнил про свою нычку – небольшую коробку конфет «Птичье молоко», которую успел выхватить из собственной посылки и мгновенно спрятать за пазуху, где она до сих пор и болталась между несвежим бельём и грязной гимнастёркой. Произошедшее далее Ромка позднее безуспешно пытался списать на лунатизм. Пока его тачка наполнялась свежим, парящим говном, он отошёл в угол, типа по ма-

лой нужде, благо здесь её можно было справлять где угодно, и, отвернувшись, быстро достал коробку, разодрал её и пальцами, выпачканными в навозе, начал запихивать нежные, хрупкие конфеты в рот. Пихал по две-три за раз, боясь не успеть съесть всё и быть застуканным за своим постыдным занятием. Успел... За время, отведённое природой на пописать, он успел сожрать коробку шоколадных конфет, окутанный воздухом, пропитанным миазмами многолетних испражнений сотен свиней. Да, что-то пошло не так в Датском королевстве...

* * *

Они быстро теряли, как оказалось, тонкий и весьма непрочный налёт цивилизованности, а заодно и моральные принципы строителей коммунизма. Выжить. Выжить любой ценой! Постоянный психологический прессинг, холод, голод и недосып – именно в такой последовательности по мере убывания выстроились их враги. Как несложно заметить, именно человек оказался злейшим врагом другого человека. Силы природы теснились позади...

Прошло полтора месяца. Наступал Новый год. Табуреты вынесены в центральный проход, в конце которого по случаю праздника установлен цветной телевизор на длинных ножках и с высокой антенной, напоминающей рожки улитки. Сейчас будет выступать очередной генсек К. У. Чернен-

ко, поздравлять с наступлением очередного года очередных грандиозных успехов их могучей социалистической родины. Генсек, правда, с трудом выговаривает слова, но это уже привычно. Других генсеков они и не видели. Казалось, что это такая характерная особенность советских государственных лидеров – быть чрезвычайно, катастрофически больными и старыми – с трудом говорить, с трудом передвигаться, но при этом всё знать и понимать. Наверное, знать и, наверное, понимать. «У Черненко самой примечательной чертой является отсутствие всякой примечательности», – напечатала в том же году парижская газета «Русская жизнь». Знать этого рядовой Романов, конечно же, не мог. Как не мог он знать, что жить генсеку оставалось меньше трёх месяцев. А после его смерти товарищи по партии найдут в ящике рабочего стола и несгораемом сейфе Генерального Секретаря Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза, Председателя Президиума Верховного Совета СССР, трижды Героя Социалистического Труда, кавалера четырёх орденов Ленина, лауреата Ленинской премии, члена партии с пятидесятидвухлетним стажем Константина Устиновича Черненко... пачки денег. Ими будут заполнены и стол, и сейф... А вот про деньги бесправное и бессловесное существо – восемнадцатилетний рядовой Романов, родом из Пензы, призванный из Москвы, как ни странно, знал немало. Возможно, даже больше, чем Генеральный Секретарь, готовящийся к встрече с вечностью. Ромка же готовился к встре-

че Нового года, сидя на крепком сером табурете в дальнем от телевизора и ближнем к туалету ряду. Он сидел, клевал носом, разомлевший от тепла и сытости – на праздничный ужин дополнительно полагались печенье с карамелью, – и не ожидал плохого. Вот-вот пробьют куранты, и сразу долгожданный отбой. А завтра спать до восьми утра, и два варёных яйца на завтрак – что-то невероятное!

– Двенадцать ударов – двенадцать писсуаров. Последний ряд, встать! – это командует неслышно подошедший сзади старший сержант Осокин. Они вскочили.

– В туалет справа по одному шагом марш!

В туалете Осокин лично выдал им по половинке лезвия «Нева» и каждого приставил к персональному толчку, коротко поставив задачу: «Чтоб блестели, как котовы яйца!» Глядя на когда-то белый, а теперь зассанный, весь в жёлтых потёках санфаянс, который предстояло лезвием скоблить до новогоднего утра, руками снимая многослойный кальцинат, оставленный сотнями курсантов, Ромка почувствовал, что готов сделать что-то ужасное. Кровь то ли прилила к голове, то ли отлила, в ушах то ли звенело, то ли, наоборот, их заложило ватой – он видел перед собой только подбородок старшего сержанта Осокина и то, как беззвучно открывается и закрывается его рот. Подбородок был так себе – довольно узкий, с небольшой ямочкой. Уже не мозг, а само тело машинально просчитывало момент удара. Его спас кавказец Магомедов, который, глядя прямо в глаза Осокину сказал,

что не будет драить писсуар.

– Не будешь выполнять приказ?! – прошипел Осокин, и Ромка понял, что тот не вполне трезв. – Так, все приступают к выполнению боевой задачи, а ты – со мной! – И Осокин с Магомедовым покинули туалет.

Когда оставшиеся курсанты обречённо приступили к выполнению поставленной задачи, рядовой Романов просто вышел в коридор. Батарея готовилась к отбою. Табуреты из нейтрального прохода разобрали, включая и их последний ряд. Курсанты в белом нательном белье с вафельными полотенцами и зубными щётками массово потянулись в сортир чистить зубы и справлять естественные надобности. Ромка быстро разделся и юркнул под одеяло. Его слегка поколачивало, но, повернувшись на правый бок, как положено, он, не успев додумать какую-то неприятную мысль до конца, уже спал.

– Батарея, подъём!

Кровать курсанта Магомедова оказалась застелена, а толчки в туалете сияли первозданной белизной – все двенадцать. В строю Магомедова тоже не оказалось. На завтрак их водил младший сержант Омельчук. Осокина, Рахманова и сержанта Квитко – «черпака» и замка третьего взвода – нигде не было видно. После завтрака прошло политзанятие, на котором замполит капитан Осередный сначала нудно зачитывая поздравление министра обороны всему личному составу Вооружённых Сил, потом проверял знание курсанта-

ми стран Варшавского договора, а в конце неожиданно разразился длинной речью о необходимости укрепления воинской дисциплины, особый упор сделав на том, что нет худшего преступления в армии, чем невыполнение приказа. После политзанятия появились сержанты. Вид они имели помятый, а у Осокина явно припухла щека. Впрочем, смотрел он на курсантов с привычной издёвкой и команды отдавал, будто лаял. К обеду прошёл слух, что Магомедов сидит на губе. А через неделю или больше на утреннем разводе на плацу, когда мороз стоял такой, что трещали деревья и птицы не летали, командир части, пузатый полковник Тетерятников, выпуская изо рта пар, громко объявил, что курсант четвёртой батареи Магомедов за «грубое нарушение воинской дисциплины, внеуставные отношения и неисполнение приказаний младшего командира» приговорён военным судом к двум годам дисциплинарного батальона.

«Нет, паря, ты как ни вертись, а кичи тебе не избежать!» — в который раз за прошедший год всплыла в голове фраза старого сидельца Ми-Ми, и Ромка с неприятным холодком осознал, что то, от чего он бежал в армию, преследует его и здесь.

* * *

Старший лейтенант Сдобнов получил из рук замполита части свою тетрадь с конспектами трудов классиков марксиз-

ма-ленинизма, открыл её и с удовлетворением прочёл надпись красными чернилами «Отлично!». «Отлично! – подумал Сдобнов. – Теперь пятёрка по политподготовке обеспечена!» А значит, он без проблем пройдёт аттестацию и, тьфу-тьфу, заветная звёздочка упадёт на погон уже в наступившем году! А с ней и новая должность, и другой оклад. Но самое главное, он помнил слова отца-генерала: «Получишь капитана в срок, переведу тебя в Москву, в командный центр. Нет – даже просить за раздолбая не буду, сгниёшь ротным в глухомани!» Отец слово держал всегда. Пока это выражалось в том, что он ни словом, ни делом ни разу своему отпрыску не помог. Как не помог он и старшему брату, который в тридцать так и торчит капитаном в Забайкальском военном округе и, по достоверным разведданным, уже плотно сидит на пробке. Что немудрено: климат там – врагу не пожелаешь, а на командирских должностях стрессов и залётов с личным составом хватает. Пойти расслабиться некуда, вокруг болота и комарьё, дома – быстро располневшая жена, постоянно закатывающая истерики: «Ты сгубил мою молодость! Я – москвичка, выпускница пединститута имени Крупской и первая красавица на курсе, поехала за тобой, как декабристка в Сибирь, и что получила взамен? Двое детей, один за другим! Муж, целыми днями пропадающий на службе. Должность библиотекаря, единственный военторг на всю округу, где шаром покати, и кино в солдатском клубе? Да, я завидую твоим черномазым солдатикам, которые че-

рез два года отсюда на дембель улетают как голуби!» Впрочем, солдатикам она не только завидовала, но и «давала» регулярно, на чём, то есть «на ком», и была мужем самолично поймана. За что огребла пиздюлей, неделю ходила на работу в чёрных очках и со слоем штукатурки на лице, а потом не придумала ничеголучше, как пожаловаться замполиту. «Муж – объелся груш» пролетел мимо майора «как фанера над Парижем», после чего запил и надавал ей пиздюлей пуще прежнего. Опять неделя в чёрных очках, а на сей раз ещё и с повязкой через щёку, типа флюс. Правда, хватило ума к замполиту больше не ходить. Собиралась было сбежать к матери в Первопрестольную, но тут, как на грех, заболел младшенький. А как выздоровел, подоспел ответ из Москвы, что мамаша, устраивая свою личную жизнь, привела в дом мужика и дочку с двумя огольцами совсем не чаёт видеть в хрущёвской двушке на Рязанском проспекте: «А я тебе говорила: не выходи за военного, угонят “куда Макар телят гонял”! А ты не послушалась! Так что теперь сама расхлёбывай. Муж да жена – одна сатана! Да и выписана ты с жилплощади давно...» Понятно, что тепла в семейных отношениях после всего брату не доставало. Мать слёзно просила отца вытащить сына из ебеней: «Ведь пропадёт Володенька-кровинушка!» На что генерал-майор Сдобнов отрезал: «За нарушителя воинской дисциплины ходатайствовать не буду!» Так что и старлей Сдобнов иллюзий по поводу отца не питал. Он сам захватил лишь кусочек детства – до седьмого класса

средней школы. А потом – по проторенной братом дорожке. Сначала Суворовское училище, потом высшее военное училище ПВО, и вот уже четвёртый год, как тянет лямку в этой подмосковной учебке. Это ещё повезло, а может, и отец всё-таки подсобил, да не признаётся. Во-первых, Подмоскovie – это не ТуркВО, хотя и здесь, конечно, глуховато. Во-вторых, должность в учебке на ступень выше учитывается. То есть вот он, Сдобнов, – старлей и командир взвода, вроде ниже некуда, но на самом деле должность капитанская и приравнивается к командиру роты или батареи в обычной части. И следующая его должность должна быть уже майорская, а это, как ни крути, старший офицерский состав. И если отец в командный центр ПВО переведёт, где зам по кадрам его однокурсник, то это уже будет серьёзная заявка на многообещающую карьеру. Служебное жильё в Москве, театры и магазины, огни большого города, от которых он уже изрядно отвык. Вера будет счастлива, перестанет смотреть на него как подобранный на улице щенок. Дочка в садик пойдёт, Вера на работу нормальную устроится – худо-бедно тоже копейку в дом начнёт приносить. А на майорской должности у него под триста рубликов выходить будет, там и в очередь на машину встанут. Машина, мечта всей жизни, представлялась Сдобнову только белой. Любой модели, но только белой! Машина – это свобода, которой в жизни Витьки Сдобнова не было никогда. А он интуитивно к ней тянулся. Это ж представить невозможно, что можно сесть в машину и поехать куда

удогно! Куда глаза глядят! За грибами, на рыбалку, просто по Садовому кольцу прокатиться, а летом вообще на море махнуть – в Гагры или Пицунду...

– Смир-рна!

Он не заметил, как в мечтах дошёл до расположения батареи. Дневальный на тумбочке лупил глаза и орал что есть мочи.

– Вольно! – слегка раздражённо бросил Сдобнов. Вот чему в его мечтах не было места, так это личному составу, всей этой стриженной зелёной массе. Нет уж, увольте – отвечать за этих раздолбаев, которые так и норовят косяк упороть! Как этот Магомедов, например. Счастье, что он не из его взвода, а то Ванька Косолапов, дружок и взводный четвёртого, взыскание ни за что ни про что словил на ровном месте, да прямо накануне аттестации. Ну как мог Ванька, наливая шампанское в новогоднюю ночь, предусмотреть, что этот горный орёл откажется толчок драить и кинется на троих сержантов. Хорошо ещё, что в батарее больше дагестанцев не оказалось, они дружные, сволочи, своего не оставят. Вот это был бы залёт так залёт для всей батареи! И повезло, что этот Магомедов не раскололся, как всё было на самом деле, – гордый, видишь ли, – отказался на все вопросы отвечать, хотя на самом живом месте не осталось. Ну ничего, в дисбате быстро шёлковым станет, там не таких обламывали! А сержанты тоже молодцы, всё-таки припёрли бражки из кочегарки. Как он своего Рахманова просил по-человечески:

«Игорь, дослужи спокойно, без залётов. Весной на дембель. Этих духов выпустим в апреле – и сразу подпишу тебе документы!» И ведь клялся и божился, говнюк! Нет, сколько солдата ни ублажай, он всё равно только и ждёт момента накосячить! Драть и драть их надо, чтобы минуты свободной не было, чтобы пёрнуть боялись! Вот как их драли в училище! И сделал и-таки людьми! Нет надёжнее средства для поддержания воинской дисциплины, чем шпицрутен, ещё Фридрих Великий, кажется, писал. Жаль, отменили палки в армии. Но ничего, опыт поддержания личного состава в тонусе наработан немаленький, справимся. Кстати...

– Дневальный!

– Я!

– Дежурного ко мне!

– Есть! Дежурный по батарее, на выход! – истошно орёт дневальный.

Какая-то мысль, казалось, была упущена. Так, профилактически отдрючить Рахманова, докопавшись до любого пустяка, чтобы тот с чувством, с толком, с расстановкой отдрючил весь взвод, чтоб служба мёдом не казалась. Нет, это правильно, но не то. Вере надо сапоги купить зимние, в старых искусственный мех сваялся, не греют ни хрена. А морозы стоят такие, что она до электрички добегаёт и плачет от холода. Сапоги – легко сказать, а где их купишь? Это ж в Москву надо – и там искать, по магазинам бегать, редкий выходной убить. Нет, пусть уж сама, а он лучше с Варечкой поси-

дит. При мысли о дочке внутри потеплело: он удивительным образом любил этот маленький комочек, проецируя на него тот небольшой запас нежности, что непонятно как сохранился в душе, практически не знавшей детства. Нет, тоже не то. Не сейчас. План занятий по специальности со взводом написать на месяц – этим он завтра займётся, время ещё есть. Подготовка взвода к первому караулу, отобрать караульных и, главное, разводящих, чтоб у тех устав от зубов отскакивал. Да было бы из кого выбирать! Разводящими, без вариантов, Сейфуль-Мулюков и Арутюнян – они с высшим образованием оба, тёртые ребята – и, наверное, Романов... Вот, вспомнил, о чём думал! Романов, спасибо тебе за конспекты, но кто же их будет так грамотно писать, когда ты выпустишься, голубь мой, и улетишь в войска через три месяца? Нет, пожалуй, надо его оставлять замком вместо Рахманова, который как раз дембельнётся... Лучше бы, конечно, Пашу Сейфуль-Мулюкова – вот у кого молодые по струнке ходить будут! Двадцать семь лет – старше меня самого! Факультет физвоспитания ташкентского педа. И чего в армию попёрся – год отбегать не мог, что ли, до двадцати восьми? Но не суть, телосложение и характер стальные, чемпион Узбекистана по карате, с ним уже сейчас сержанты предпочитают не связываться. Даже Осокин, который сам из Ташкента, уважительно рассказывал, что поставил как-то Пашку в наряд и приказал центральный проход мыть, чтобы спесь сбить в самом начале. Так тот весь проход в поперечном шпагате отдраил.

И, пока мыл, вся батарея по краешку ходила, чтобы не на-топтать... Но Романов тоже ничего – твёрдый, чувствуется в нём стержень, хоть и восемнадцать только стукнуло. Кста-ти, и этот мог не служить – его же со второго курса МГУ призывали, а там военная кафедра. И как он в армии оказал-ся? Идеалист, что ли? Случаются такие идиоты, насмотрят-ся фильмов патриотических и рвутся родину защищать. Сам таким был когда-то. Но это даже хорошо: из идеалистов, ес-ли дурь выбить, очень даже циничные зверюги получаются. Надо будет ещё раз его анкету глянуть, а потом поговорить за жизнь, вытащить на откровенность – сопляк ещё, раско-лется. А потом решать. Старший лейтенант Сдобнов почув-ствовал себя старым и мудрым в свои двадцать пять, и ему стало даже немного не по себе от груза лет...

* * *

Курсант Романов готовился к первому в жизни караулу. Важность предстоящего события подтверждал хотя бы тот факт, что несение караульной службы являлось выполнением боевой задачи в мирное время. Подготовка заключалась в основном в заучивании наизусть многих параграфов уста-ва гарнизонной и караульной службы. Готовился весь взвод, хотя было известно, что попадут в караул не больше поло-вины курсантов. Остальные отправятся в наряд на кухню. И второе представлялось куда более выгодным мероприятием.

Одно дело – четыре раза по два часа на морозе отстоять, да плюс дорога от караулки до поста и обратно, да половина из этого ночью – сутки практически без сна. И совсем другое дело – картошку чистить на кухне и миски с котлами мыть: еды вокруг завались, тепло, светло и устав учить не надо. Ну подъём чуть пораньше, но потом в столовке можно где-нибудь замыкаться и покемарить. Некоторые, самые прозорливые, в основном южане, неожиданно подзабыли русский язык, и память их начала подводить. Хотя учить действительно приходилось много, и для тех, кто не привык к умственной деятельности, задача казалась непосильной. Сдобнов и Рахманов явно нервничали и постоянно подчёркивали, что караул – это почётно и если всё пройдёт без накладок, то всех ждут поощрения. Правда, в чём они будут выражаться, не уточняли. И Ромка справедливо рассудил, что насчёт поощрений – лапша на уши. А вот если случится залет, то мало не покажется. В своей логике он исходил из того, что видов наказаний знал уже с десятков – это только официальных, по уставу, а вот поощрений – ни одного. Нет, они, конечно, были, чисто теоретически, но сталкиваться за полтора месяца службы не приходилось. Удивляло, что спрашивали и дрючили в основном одних и тех же, и его в том числе. Других же почти не трогали, хотя они и двух предложений наизусть повторить не могли. Складывалось впечатление, что состав караула уже известен заранее. Впрочем, Ромку это не особенно заботило. Радовало, что стало меньше строевой на плацу,

а подготовка проходила в тёплом классе. Память у него была великолепная, и он с ходу выучил обязанности часового. Старший сержант Рахманов не поверил своим ушам, когда курсант Романов уже на второй день подготовки продекларировал ему ни разу не сбившись: «172. Часовой обязан:

- бдительно охранять и стойко оборонять свой пост;
- нести службу бодро, ничем не отвлекаться, не выпускать из рук оружия и никому не отдавать его, включая и лиц, которым он подчинён;
- продвигаясь по указанному маршруту, внимательно осматривать подступы к посту и ограждение, а также проверять исправность средств сигнализации;
- не оставлять поста, пока не будет сменён или снят, хотя бы жизни его угрожала опасность; самовольное оставление поста является воинским преступлением;
- при выполнении задачи на посту иметь оружие заряженным по правилам, указанным в ст. 109, и всегда готовым к действию;
- не допускать к посту ближе расстояния, указанного в таблице постам и обозначенного на местности, никого, кроме начальника караула, помощника начальника караула, своего разводящего и лиц, которых они сопровождают, а также дежурного по караулам (по воинской части) в случае, указанном в ст. 170;
- знать маршруты и график движения транспортных средств караула, а также их опознавательные знаки и сигнала-

лы;

- уметь применять находящиеся на посту средства пожаротушения;

- отдавать воинскую честь, как указано в ст. 182;

- вызывать начальника караула при обнаружении какой-либо неисправности в ограждении объекта (на посту) и при всякого рода нарушениях порядка вблизи своего поста или на соседнем посту;

- услышав лай караульной собаки, немедленно сообщить об этом установленным сигналом в караульное помещение.

173. Часовой на посту должен иметь оружие с примкнутым штыком (автомат со складывающимся прикладом без штык-ножа, штык-нож в ножнах на поясном ремне): в ночное время – в положении изготовки для стрельбы стоя; в дневное время – в положении “на ремень” или в положении изготовки для стрельбы стоя (приложение 9); на внутренних постах и на посту у Боевого Знамени автоматы с деревянным прикладом – в положении “на ремень”, со складывающимся прикладом – “на грудь”, карабин – у ноги; крышка сумки со снаряжённым магазином (обоймами) должна быть застёгнутой.

В случае тушения пожара или борьбы со стихийным бедствием часовому разрешается иметь оружие в положении “за спину”.

174. Часовому запрещается: спать, сидеть, прислоняться к чему-либо, писать, читать, петь, разговаривать, есть, пить,

курить, отправлять естественные надобности, принимать от кого бы то ни было и передавать кому бы то ни было какие-либо предметы, досылать без необходимости патрон в патронник.

Часовой должен отвечать на вопросы только начальника караула, его помощника, своего разводящего и лиц, прибывших для проверки.

175. Часовой обязан применять оружие без предупреждения в случае явного нападения на него или на охраняемый им объект.

176. Всех лиц, приближающихся к посту или к запретной границе, обозначенной указателями, кроме начальника караула, помощника начальника караула, своего разводящего и лиц, сопровождаемых ими, часовой останавливает окриком “Стой, назад” или “Стой, обойти вправо (влево)”.

При невыполнении приближающимся к посту или к запретной границе этого требования часовой предупреждает нарушителя окриком “Стой, стрелять буду” и немедленно вызывает начальника караула или разводящего.

Если нарушитель не выполнит этого требования, часовой досылает патрон в патронник и производит предупредительный выстрел вверх. При невыполнении нарушителем и этого требования и попытке его проникнуть на пост (пересечь запретную границу) или обращении в бегство после такой попытки часовой применяет по нему оружие.

177. В условиях плохой видимости, когда с расстояния,

указанного в таблице постам, нельзя рассмотреть приближающихся к посту или к запретной границе, часовой останавливает их окриком “Стой, кто идёт?”. Если ответа не последовало, то часовой предупреждает: “Стой, стрелять буду” – и задерживает нарушителя. О задержанном нарушителе часовой установленным сигналом сообщает в караульное помещение и, не ослабляя внимания, продолжает охранять порученный ему объект и следит за поведением нарушителя.

Если нарушитель не останавливается и пытается проникнуть к охраняемому объекту (на пост) или после такой попытки обращается в бегство, то часовой производит предупредительный выстрел вверх. При невыполнении нарушителем и этого требования часовой применяет по нему оружие.

Когда на окрик часового последует ответ “Идёт начальник караула (помощник начальника караула, разводящий)”, часовой приказывает: “Начальник караула (помощник начальника караула, разводящий), ко мне, остальные – на месте”; если необходимо, часовой требует, чтобы приближающийся к нему осветил своё лицо. Убедившись, что назвавшийся действительно является начальником караула (помощником начальника караула, разводящим), часовой допускает к себе всех прибывших лиц.

Если же назвавшийся начальником караула (помощником начальника караула, разводящим) окажется неизвестным или находящиеся с ним лица не выполняют требования часового оставаться на месте, то часовой предупреждает на-

рушителей окриком “Стой, стрелять буду”. При невыполнении нарушителями этого требования часовой применяет по ним оружие.

178. При необходимости вступить в рукопашную схватку для защиты себя или охраняемого объекта часовой должен смело действовать штыком или прикладом.

179. В случае возникновения пожара на посту часовой немедленно сообщает об этом установленным сигналом в караульное помещение и, не прекращая наблюдения за охраняемым объектом, принимает меры по тушению пожара. При пожаре на технической территории охраняемого объекта или на объекте, имеющем внешнее и внутреннее ограждения, а также вблизи поста он сообщает об этом в караульное помещение, продолжая нести службу на посту.

180. В случае своего внезапного заболевания (ранения) часовой вызывает установленным сигналом разводящего или начальника караула, продолжая нести службу.

181. В крайних, не терпящих отлагательства случаях или при неисправности средств связи и сигнализации часовой может вызвать на пост начальника караула или разводящего выстрелом вверх.

182. Часовой отдаёт воинскую честь начальникам, которым он подчинён, и другим начальникам, прибывшим на пост в их сопровождении, по правилам, изложенным в Строевом уставе Вооружённых Сил СССР. При этом автомат из положения для стрельбы стоя предварительно берётся “на

ремень”, а карабин – “к ноге”.

183. Часовой на посту у Боевого Знамени выполняет свои обязанности стоя в положении “вольно”. При отдании военнослужащими воинской чести Боевому Знамени часовой принимает положение “смирно”.

Во время приёма Боевого Знамени под охрану часовой обязан проверить исправность чехла (шкафа) и печати на нём. Выдачу Боевого Знамени он производит только по личному приказанию начальника караула и в его присутствии.

Если посту у Боевого Знамени угрожает опасность (пожар, наводнение или иное стихийное бедствие), часовой выносит Боевое Знамя в безопасное место и вызывает начальника караула.

184. Часовой у вскрытого хранилища (склада, парка) или во время производства работ на месте стоянки машин (самолётов, орудий или другой боевой техники) выполняет обязанности, указанные в таблице постам.

Часовой у огнеопасного хранилища (склада), кроме того, обязан:

- не допускать кем бы то ни было курения, разведения огня, стрельбы, а также пользования не предусмотренными табелем постам осветительными приборами около охраняемого объекта ближе указанного в нём расстояния;

- не допускать в хранилище (склад) в обуви и с фонарями, не предусмотренными табелем постам, а также с холодным и огнестрельным оружием.

185. Часовой, охраняющий арестованных на гауптвахте, обязан:

- знать число арестованных, находящихся под его охраной;
- находиться снаружи у дверей камер и наблюдать через смотровые окна, чтобы арестованные не нарушали установленных для них правил, следить за их действиями и поведением, не допускать порчи арестованными оконных рам и решёток, полов и стен;
- следить за тем, чтобы в ночное время в камерах арестованных было освещение;
- не выпускать арестованных из камер и не допускать к ним никого безличного приказания начальника караула, помощника начальника караула или своего разводящего;
- не разговаривать с арестованными, ничего не передавать им и ничего не принимать от них;
- не допускать приёма арестованными каких-либо передач с улицы, выбрасывания ими вещей и записок через окно на улицу и разговора арестованных с посторонними;
- получив просьбу арестованного вызвать выводного, доложить об этом разводящему, начальнику караула или его помощнику;
- немедленно вызвать начальника караула, его помощника или разводящего при невыполнении арестованными его требований;
- предупреждать арестованного (арестованных), соверша-

ющего побег, окриком ‘Стой, стрелять буду’, а при невыполнении этого требования применять оружие.

При перевозке арестованных из одного пункта в другой, а также при передвижении их вне пределов гауптвахты обязанности часовой по охране арестованных выполняет конвойный.

186. Часовой у входа в караульное помещение обязан охранять караульное помещение и не допускать к нему никого, кроме лиц, которым караул подчинён, если он знает их в лицо, и лиц, ими сопровождаемых. О приближении этих лиц часовой извещает установленным сигналом начальника караула и беспрепятственно пропускает их в караульное помещение. Всех остальных лиц, приближающихся к караульному помещению... часовой останавливает на расстоянии, указанном в таблице постам, и вызывает начальника караула или его помощника.

При плохой видимости, когда с расстояния, указанного в таблице постам, нельзя рассмотреть приближающихся к караульному помещению, часовой останавливает их окриком ‘Стой’ и вызывает начальника караула или его помощника.

Обо всех происшествиях вблизи караульного помещения и обо всём замеченном, что может помешать выполнению караулом своей задачи, а также об услышанных сигналах с постов часовой немедленно докладывает начальнику караула или его помощнику.

187. Особые обязанности часовых применительно к усло-

виям охраны и обороны каждого объекта указываются в таблице постам».

После этого выяснилось, что статьи 184, 185 учить было не надо, и Ромка решил, что это ирония судьбы, которая не позволила ему пропустить статью 185. Снова вспомнилась ухмылка Ми-Ми и тяжёлый, не по-стариковски цепкий взгляд. Как всегда в армии, инициатива оказалась наказуема. Ромку проверил Сдобнов, остался очень доволен, привёл в пример остальным и после этого поручил выучить обязанности разводящего. Некоторые курсанты откровенно и ехидно улыбались, когда Романов возвращался на своё место с новым заданием. Но ему было плевать, мозг хватался за любую возможность быть задействованным. Он не мог жить в состоянии амёбы, когда весь процесс жизнедеятельности сводится лишь к удовлетворению базовых инстинктов и отправлению естественных потребностей. Или надобностей, как сказано в уставе.

Но вот и первый караул. Им выдают из оружейки СКС – самозарядный карабин Симонова, построение. Все как-то посерьёзтели, даже остающиеся. Перекличка – и шагом марш на плац. На плацу развод караулов. Короткие инструкции – и шагом марш в караульное помещение. Идти около километра, дорога узкая, через лес. Темно, и только снег похрустывает под ногами. На плече – приятная тяжесть карабина. Ромка опять представляет себя партизаном. Они идут в шеренгу' по двое – впереди спина с карабином, позади чьё-

то дыхание, совсем близко тёмные стволы деревьев. Январский мороз крепчает, сейчас шесть вечера, то ли будет ночью. Они толком не знают, что будут охранять, кажется, автопарк, склады ГСМ и ещё что-то. Но знают, что будут это охранять, какой бы мороз или зной вдруг ни случился... Начальник караула, командир взвода Сдобнов. Ромкин разводящий, его же замкомвзвода Рахманов – красивый, улыбочивый парень с белыми, блестящими зубами. Сейчас он уже не кажется таким неприступным и бездушным, как вначале. С Ромкой общается легко, иногда даже переходя наличные вопросы – кто, откуда, кто папа-мама, скучаешь? Он сам москвич, ему всего двадцать один, но кажется, что между ними дистанция в целую жизнь, таким взрослым он выглядит. Взрослым не внешне, но как-то внутренне. Понятно, что за озорной, обаятельной улыбкой скрывается зрелый мужик, много чего прошедший и понявший в этой жизни. Ромке странно ощущать эту дистанцию, на гражданке ему приходилось делать серьёзные дела и с людьми гораздо старше, состоявшимися, но дистанция есть, она существует. Она так же очевидна, как серый бетонный забор, к которому они подходят.

Караульное помещение, приём-сдача караула, ещё раз проверка знания устава, снаряжение магазина боевыми патронами, поход в ночь за спиной разводящего – и вот он на посту. Один на один с ночью, морозом и тишиной. Тому, кто не бывал подолгу в замкнутых мужских коллективах, когда

твоя жизнь каждую секунду на виду десятков глаз, не понять, какое счастье – просто побыть одному. Один на один со своими мыслями, с собой внутренним. Первое время он ещё насторожён, внимательно обходит совсем не маленький маршрут, проверяя одеревеневшие на морозе пластилиновые оттиски печатей, но вскоре становится очевидно, что сюда не доберётся не то что коварный диверсант, но вообще никто не доберётся. Вокруг полутораметровые сугробы, меж которых протоптана узкая тропка – его маршрут. Поверх шинели на нём огромный бело-жёлтый овчинный тулуп с роскошным воротником, очень тёплый, на ногах валенки, тоже белые и тёплые, поэтому мёрзнут только пальцы рук, но это сущая мелочь. Сразу понятно, что к выполнению боевой задачи Родина подходит серьёзно, и здесь уже никто не будет его морозить, гнобить и дрессировать по беспределу. Он – часовой, с боевым оружием и на посту, его права защищены законом и карабином, и в нём проснулось подзабытое уже чувство собственного достоинства. Вот в чём разница между караулом и нарядом на кухне. Он впервые за два месяца службы выполняет то, ради чего его призвали. В конце концов, служба в армии – почётная обязанность каждого гражданина СССР. А чистка картошки к таковой явно не относится...

Сутки в карауле прошли в приподнятом настроении, хотя, конечно, нелегко отстоять четыре смены по два часа, особенно с трёх до пяти ночи. Но удалось и поспать урывками в общей сложности часа три. В отдельной комнате без окон на

деревянном помосте, чуть меньше метра высотой, на крашенных голых досках, не раздеваясь, вповалку спали караульные свободных смен. Кто-то приходил с поста и, как тюлень, лез в самую середину, где теплее, кого-то будили, светя фонариком и дёргая за ногу, и он, очумелый, выбирался – на остальных спящих это не производило никакого впечатления. Никто не просыпался, даже если лезли прямо по нему. Ты касаешься головой нагретых до тебя досок и проваливаешься в долгожданную темноту. Вокруг густая, вязкая, чёрная пустота без единого проблеска – и сознанию не за что зацепиться, поэтому нет ни снов, ни чувства времени. Ты уронил голову, и вот тебя уже дёргают за ногу...

* * *

– Курсант Романов!

– Я!

Старшина роты, старший прапорщик Визитиу, с самого начала невзлюбивший Ромку, смотрел привычно недовольно, но с каким-то непонятным интересом: «Там тебя на КПП дожидаются. Даю сорок пять минут на свидание!» Сердце забилось, кровь прилила к голове, он еле сдержался, чтобы не спросить: кто? Старшина всё равно не ответит, иначе бы сразу сказал, а вопрос только даст повод для какой-нибудь грубости.

– Разрешите идти!

– Разрешаю...

Старшина был явно разочарован. Ромка отдал честь, чётко повернулся, сделал три строевых шага, чтобы опять-таки не дать повода себя потренировать на дорожку, и, только оказавшись за дверью казармы, рванул изо всех сил. Мысли путались в голове: кто, кто его ждёт на КПП? Мама? Исключено, она бы предупредила. Неожиданно нашедшийся отец? Практически исключено, он с огромной вероятностью там, где ему и положено быть, дом вора – тюрьма. Кто-то из многочисленных бывших подружек? Вряд ли, он порвал со всеми. Менты? На мгновение стало нехорошо, и Ромка почти с любовью посмотрел на проплывающие мимо серые двухэтажные казармы, бетонный забор с колючкой поверху и белые, отутюженные лопатами, выровненные по кантику прямоугольники снега. А остающиеся почти два года службы впервые показались отнюдь не бесконечными. Впрочем, его бы не так вызывали в этом случае – он же может сдёрнуть. Вроде отлегло. Может, Катя? Вспомнилось юное, безумно красивое, но перекошенное злобой лицо: «Так ты хочешь всё отдать – квартиру, машину, деньги, жениться на мне, ни кола ни двора, и свалить в армию?! Это, по-твоему, сохранить честь?!» А в конце: «Ну и проваливай, деревня недоделанная!» Ромка с удивлением обнаружил, что впервые не испытывает никакого волнения при этом воспоминании. А казалось, что боль не пройдёт никогда. Да, генерал Мороз и старший сержант Осокин оказались лучшими врачами от душев-

ных недугов. Он влетел на КПП.

Светка! Её лицо вспыхнуло. В первый момент показалось, что она хочет попятиться. Но вот, словно собравшись как перед прыжком в воду, она построжела лицом и сделала шаг ему навстречу. Он широко распахнул руки и с ходу обнял её, поднял, закружил! На глазах скабрёзно лыбящихся дневальных по КПП. Господи, какую нежность и благодарность он испытывал, обнимая худенькие плечи в каком-то подростковом пальто с жиденьким рыжим воротником, ощущая под грубой тканью, как напряглась, а потом расслабилась её спина. Они зашли в комнату для свиданий. Там никого не было.

– Господи, что у тебя с лицом?

– А что у меня с лицом?

– Ну, оно всё красное и какое-то шершавое, а уши вообще коричневые. Ты так осунулся!

– Пофиг! Забудь... Как ты здесь? Откуда у тебя адрес? Почему не написала, не предупредила? – Она опять напряглась. Отвела глаза, потом с усилием снова взглянула ему в лицо.

– Неважно. Ты рад меня видеть?

– Конечно! Безумно! Ладно, рассказывай! Как ты?

– Нормально. Учусь. Осенью меня избрали депутатом райсовета, – она говорила с трудом, словно думала о чём-то другом.

– Ты – депутат! Ушам не верю! А здесь как оказалась? Ты что, специально приехала?

– Нет. Я приехала на конференцию комсомольского актива в Москву.

– Ничё себе!

– Рома, почему ты мне не писал?

Он осёкся. Продолжал смотреть ей в лицо и понимал, что не может сказать правду. Пауза затягивалась. Он это чувствовал, но ничего подходящего в голову не приходило.

– Мне ждать тебя? – она взяла инициативу в свои руки. У неё не дрожал голос, и глаза были сухие. Только лицо как-то заострилось, и кожа на скулах натянулась.

Он сразу всё понял и подумал, что именно такого вопроса, а лучше утверждения ждал от Кати. Но, преодолевая себя, улыбнулся и как можно беззаботнее спросил, просто чтобы выиграть время:

– В смысле?

– Мне ждать тебя из армии? Ты хоть чуть-чуть любишь меня? – она срезала все углы. Недаром они познакомились на олимпиаде по математике. У него не оставалось выбора, врать он не мог:

– Я пропал в этой Москве, Свет. У меня были проблемы на гражданке. Я уже не тот Ромка, которого ты знала. – Кажалось, она не удивилась.

– Рома, мы все уже не школьники и все меняемся. У тебя были проблемы с законом?

– Откуда ты знаешь?

– Это неважно. Правда, неважно, – она не выдержала,

голос надломился, аккуратный носик покраснел, красивые чёрные глаза лихорадочно заблестели: – Ты любишь меня?! Я буду ждать столько, сколько надо! – И поскольку он продолжал молчать: – Да или нет?!

Больше всего на свете он хотел сказать «да», но с удивлением услышал, как какой-то чужой, не его голос простуженно произнёс:

– Не надо. Не надо ждать...

По её лицу прошла короткая судорога, глаза застыли, в них пропало всякое выражение. Очнувшись через мгновение, ткнула ему в грудь свёрток, который, оказывается, всё это время держала в руках. Едва он машинально подхватил свёрток, как она тут же отдёрнула руки, словно боялась прикоснуться к нему. Так же стремительно она развернулась и вышла или, скорее, выбежала из комнаты. Хлопнула дверь на пружине. Он стоял в прострации, прижимая свёрток к груди, пока в комнату не просунулась наглая физиономия дневального.

– Слышь, духан, поделись с пацанами, – он многозначительно указал на свёрток.

Ромку словно застали за чем-то очень интимным. Сама формулировка, тон, а главное, тупое, самоуверенное выражение лица дневального, очевидно отслужившего не меньше года, проникли в обнажившуюся, не успевшую закрыться душу. В ответ со дна этой души поднялась тугая тёмная волна, он забыл, где находится, ни секунды не задумался о

последствиях.

– Заткни ебало, гнида! – он сделал шаг по направлению к голове. Впрочем, она тут же и беззвучно исчезла.

Приходя в себя, он недоумённо посмотрел на свёрток, хотел оставить его на лавке, но передумал. Вместе с сознанием к нему возвращалось и понимание окружающей реальности. Он вышел из комнаты, а потом и на территорию части. Никто его не остановил и ничего не сказал. У него было около получаса, и он медленно пошёл в казарму. Появление Светки как-то неувовимо всё изменило. Он вспомнил, кто он и что он. Вспомнилось чувство собственного достоинства, подзабытое за прошедшие два месяца. Нет, это не значит, что он теперь будет спорить с командирами или отстаивать свою точку зрения – здесь это невозможно, и пример курсанта Магомедова служил лучшим тому подтверждением. Но он снова будет эту точку зрения иметь. Потому что – и он отчётливо почувствовал это сейчас – всё происходящее вокруг него в последнее время преследовало своей целью уничтожение личности, стирание имевшегося опыта и формирование нового существа – коллективного, забитого и не рассуждающего. Ирония судьбы заключалась в том, что он и оказался здесь по единственной причине – сохранить это самое пресловутое достоинство. Он шёл, отдавая честь встречным офицерам, снег похрустывал под ногами, а мысли снова переключились на Светку.

Они учились в соседних школах, жили совсем рядом, но

никогда не встречались, пока не оказались за одной партой на областной олимпиаде по математике. Красивая девочка с умными тёмными глазами, казалось, не обращала на случайного соседа никакого внимания. Он же, решая задачи, всё поглядывал на неё и не переставал удивляться, как такая красивая может быть ещё и такой умной. Когда всё закончилось и они сдавали работы, егохватило лишь на то, чтобы подглядеть на её листке – школа № 1, имя и фамилию не разобрал. Он не решился заговорить, а потом ругал себя всю дорогу за трусость. Казалось бы, что такого – спросить, как её зовут, познакомиться? Мысли о ней преследовали его весь оставшийся день и вечер, она снилась ему ночью, а наутро он проснулся с температурой под сорок. Может, совпадение, а может, и нет... Заболел от любви. Во всяком случае, думать ни о чём, кроме неё, он не мог. Его трясло и знобило весь день и всю ночь, мама ужасно переживала, а на следующее утро температура спала так же неожиданно, как поднялась, и он встал как ни в чём не бывало. Потом было долгое ожидание возле первой школы, страх и неуверенность в себе. Потом он её увидел, сердце застучало как перед выходом на ринг, и, замирая от восторга и любви, он тайком проводил её до дома и узнал, где она живёт. Во всяком случае, дом и подъезд. А на следующий день, когда он следовал за ней по противоположной стороне улицы, она неожиданно обернулась и помахала ему рукой. Так начался их роман, который поставил под сомнение золотые медали, на которые оба шли.

Это было последнее полугодие десятого, выпускного класса. Он выкраивал время между учёбой, тренировками и репетиторами и бегом бежал, чтобы увидеться хотя бы на пятнадцать минут. Благо недалеко. А чтобы было ещё ближе, перемахивал двухметровый забор НИИ, срезал путь и снова перемахивал забор. Вообще-то, НИИ был секретный, но его ни разу никто не заметил. Какие секреты, такая и охрана. Они стояли в подъезде и первое время разговаривали – не могли наговориться. Где-то через неделю впервые поцеловались. Причём для неё это вообще был первый раз. Он помнит, как обнял, приблизил лицо, её ресницы испуганно задрожали, она судорожно продолжала говорить, а потом прервалась на полуслове, закрыла глаза и чуть откинула голову. Он нашёл её мягкие губы, ощутил дыхание и начал нежную игру, но она не отвечала. Её губы лишь безвольно раскрывались, а дыхание становилось всё менее заметным. Он растерялся, когда она вдруг потяжелела в его руках. Испугавшись, он прервал поцелуй и крепче сжал талию, лишь после этого она пришла в себя. Потом они просто стояли, тесно прижавшись друг к другу, и молчали.

Она была из мажорной семьи. Папа – начальник крупного строительного треста. Мама – главврач больницы для партноменклатуры. Её родители были против их отношений. Они считали, что это мешает учёбе, и вообще она ещё слишком молодая, а он хулиган. Откуда взялось про хулигана, непонятно. Они пытались запретить ей встречаться с ним,

не выпускали из дома. Однажды после очередного скандала с мамой у неё случился нервный срыв. Она не ела, не спала, её непрерывно рвало. Мама в панике созвала консилиум медицинских светил, те только разводили руками. Тогда родители сдались и пообещали больше не препятствовать их отношениям. «Но только без глупостей!» – веско обронил папа напоследок. «Глупостей» и не было. Они просто болтали обо всём на свете, но больше, конечно, целовались. Сексуального опыта не было ни у него, ни у неё. Максимум, что он себе позволял, – запустить руку под лифчик. От этого обоих трясло. И они чувствовали себя преступниками. А потом наступила пора выпускных. Оба получили свои медали. И он уехал в Москву, где оказался в женской обшаге. На этом всё и закончилось. Для него. Но не для неё, как выяснилось сегодня...

Впереди показалась его казарма, и мысли быстро вернулись с небес на землю. Время ещё было, и он свернул в тупичок между забором и кочегаркой. Там аккуратно распаковал свёрток и обнаружил конфеты, печенье и несколько банок сгущёнки. Молодец Светка! То, что нужно! Он быстро выбрал из конфет шоколадные и ссыпал в карман. Огляделся вокруг, заметил торчащие из-под снега обломки каких-то труб и спрятал туда две банки сгущёнки, а две оставил, кое-как запаковал изрядно похудевший свёрток, предназначенный для коллективного потрошения. Вот теперь можно и возвращаться.

Очередной караул. Его теперь ставят постоянно, и не только со своим взводом. «Через день – на ремень!» – чаще устав не позволяет. Всем взводным – они же начальники караулов – очень нравится, что у него статьи устава от зубов отскакивают, и Сдобнов «сдаёт его в аренду». Когда ночью приходит дежурный по части с проверкой, его сразу будят и подсовывают проверяющему. Тот, как положено, задаёт вопросы, Ромка браво отвечает, дежурный доволен, караул получает хорошую оценку, начальник караула доволен, командир батареи доволен. Только курсант Романов посерел от недосыпа, но это никого не волнует. С другой стороны, он ни разу не был в наряде дневальным, ни разу не драил сортир – это тоже чего-то стоит. Там же, в карауле, в свободное от смен время он строчит конспекты не только Сдобнову, но и самому командиру батареи майору Солдатенкову, который, оказывается, учится в какой-то академии заочно. Комбат очень хорошо к нему относится, называет сынком: «Ну что, сынок, написал?» Самая тяжёлая смена – с трёх до пяти ночи. Она почти всегда ему достаётся, потому что в это время реже всего ходит дежурный с проверкой. Вот и сейчас досталась. Тихо идёт снег, чуть поскрипывает караульный фонарь, и жёлтое пятно света едва уловимо колышется. Хорошо! Никогда в своей прежней жизни Ромке не приходилось

вот так оставаться один на один с зимним ночным лесом. Он читает вырезанные штык-ножом надписи на караульном грибке: «Часовой, помни, что ты охраняешь сон того парня, который спит с твоей девушкой!» Смешно. И грустно. Интересно, у Кати кто-то есть? «Кто не был – тот будет! Кто был – не забудет!» – нет, это не про неё, это про армию. Ромка улыбается каламбурю. «Армия – школа жизни, но лучше пройти её заочно!» Это точно. «ДМБ 82–84» Господи! Кто-то уже дома! Неужели придёт и его черёд? Надписей много, и они свидетельствуют, что здесь массово и со вкусом нарушался устав. У него уже нет того пиетета к караулу, что был вначале. Он освоился, знает, где могут подловить, а где – нет, и тоже сейчас совершит грубое нарушение устава. Он перебросил карабин на левое плечо, снял рукавицы, расстегнул тулуп, шинель, крючок и верхнюю пуговицу гимнастёрки и наконец достал из-за пазухи тонкую брошюрку. В. И. Ленин, «О кооперации». Всё так же идёт снег, и снежинки бесшумно покрывают землю, а часовой Романов в тусклом свете караульного фонаря жадно впитывает ленинские строки:

«И вот не все товарищи дают себе отчёт в том, какое теперь гигантское, необъятное значение приобретает для нас кооперирование России...

В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз

этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д. — разве это не всё необходимое для построения полного социалистического общества? Это ещё не построение социалистического общества, но это всё необходимое и достаточное для этого построения.

Всё дело теперь в том, чтобы уметь соединить тот революционный размах, тот революционный энтузиазм, который мы уже проявили, и проявили в достаточном количестве, и увенчали полным успехом, уметь соединить его (тут я почти готов сказать) с умением быть толковым и грамотным торгашом, какое вполне достаточно для хорошего кооператора. Под умением быть торгашом я понимаю умение быть культурным торгашом. Это пусть намотают себе на ус русские люди или просто крестьяне, которые думают: раз он торгует, значит, умеет быть торгашом. Это совсем неверно. Он торгует, но от этого до умения быть культурным торгашом ещё очень далеко. Он торгует сейчас по-азиатски, а для того, чтобы уметь быть торгашом, надо торговать по-европейски. От этого его отделяет целая эпоха.

Кончаю: ряд привилегий экономических, финансовых и банковских — кооперации; в этом должна состоять поддержка нашим социалистическим государством нового принципа организации населения. А строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства произ-

водства, при классовой победе пролетариата над буржуазией – это есть строй социализма.

4 января 1923 года»

И эти строчки являлись откровением для рядового Романа. Он чувствовал, что социализм, настоящий социализм, вовсе не то, что они имеют сейчас и что называют социализмом с трибун. И вот сам Ленин прямо пишет то, что Ромка чувствовал, то, к чему он пришёл интуитивно. А как вам про коммунистическое чванство, взятки и безграмотность – три врага социализма? А про НЭП? Эти работы ему не приходилось конспектировать для командиров. Там всё больше про классовую борьбу и вооружённый отпор. Но это понятно. Но почему на экономическом факультете МГУ эти темы оказывались в тени? Не потому ли, что после смерти Ленина страна пошла совсем по другому пути развития, нежели он завешал? Он спрятал брошюру обратно за пазуху, застегнулся и тут же услышал какой-то неясный звук. Мгновенно сорвал карабин с плеча, сделал несколько шагов вперёд, чтобы выйти из пятна света, и замер. Звук повторился.

– Стой! Кто идёт?! – он почти кричал.

Из темноты слышалось:

– Идёт начальник караула!

– Начальник караула, ко мне! Остальные – на месте!

Спустя несколько мгновений в снежной круговерти показался неясный силуэт. Не давая ему подойти ближе, Ромка,

уже узнавший начальника караула по голосу, тем не менее скомандовал:

– Стой! Осветить лицо!

Старший сержант Рахманов как-то обмолвился в караулке, что в условиях плохой видимости лучше перебдеть. И не потому, что ты сомневаешься, начальник караула это или нет. А потому что бывают такие говнистые проверяющие, что пытаются всячески доебаться до часового. А ночью любому плохая видимость. А тут ещё и снегопад... Фигура замерла, вспыхнул фонарик, и в его резком свете, направленном снизу вверх, проявилось нечто фантазмагоричное, скорее напоминающее героя страшной сказки, нежели начальника караула. Но всё же это был он. Ромка отдал честь, взяв карабин «к ноге». После этого из темноты вслед за начальником караула показался дежурный по части – сам начштаба полковник Чумаков. Его боялись больше, чем командира, полковника Ваганова. Тот был барин – толстый, вальяжный, из кабинета выходить не любил. Должность у него была генеральская, и он сидел на жопе ровно – главное, досидеть до генерала без залётов. Начштаба же рыл землю носом. Ромка представился. Полковник смерил его подозрительным взглядом из-под каракулевой папахи:

– Так, часовой Романов, почему заставляете целого полковника ждать позади лейтенанта?

– Товарищ полковник, статья 177 Устава гарнизонной и караульной службы гласит: «В условиях плохой видимости,

когда с расстояния, указанного в таблице постам, нельзя рассмотреть приближающихся к посту или к запретной границе, часовой останавливает их окриком “Стой, кто идёт?”. Когда на окрик часового последует ответ “Идёт начальник караула”, часовой приказывает: “Начальник караула, ко мне, остальные – на месте”; если необходимо, часовой требует, чтобы приближающийся к нему осветил свое лицо. Убедившись, что назвавшийся действительно является начальником караула, часовой допускает к себе всех прибывших лиц».

– Так, неплохо... А если придётся вступить в рукопашную схватку?

– При необходимости вступить в рукопашную схватку для защиты себя или охраняемого объекта часовой должен смело действовать штыком или прикладом.

– Молодей! Объявляю благодарность от своего имени!

– Служу Советскому Союзу! – здесь Ромка вытянулся ещё больше, хотя и до этого стоял по стойке смирно.

После этого проверяющие ушли. И у него отлегло от сердца – они не заметили грубейшее нарушение устава. Что могло быть в противном случае, даже не хотелось думать... Он пообещал себе больше так не рисковать. Даже ради ленинской мудрости.

Всё-таки есть — не может не быть — в жизни удача! Но сначала ничто не предвещало ничего хорошего. Их просто в очередной раз после занятий послали на работы. И если большинство привычно отправилось чистить плац перед казармой, утюжить и ровнять снег, который при этом продолжал идти, то Ромку и ещё троих курсантов старшина выдернул из строя и направил на разгрузку машины в магазин военторга на территории части. И в этом тоже не было ничего необычного — хорошо, что не на разгрузку угля. Но вот на заднем дворе магазина их ждал сюрприз так сюрприз. Кузов машины был доверху забит ящиками с мандаринами. Они не видели ни фруктов, ни овощей больше двух месяцев, со дня призыва. А, видимо, молодой, растущий организм всё-таки испытывает в них настоящую потребность. От мандаринового аромата кружилась голова. Сначала они молча и сосредоточенно таскали ящики. Потом Ромка заметил, как один из курсантов притормозил в полутёмном коридоре, быстро схватил мандарин из ящика, который нёс, и не чистя, в два укуса проглотил. Сам Ромка ни разу в жизни ничего не украл. И тут в его душе поднялась целая буря. Не успел он прийти к внутреннему консенсусу, как во время следующей ходки второй курсант так же быстро и воровато сожрал мандарин. Дальше Ромку не пришлось упрашивать,

он жадно схватил оранжевый шарик, крупно откусил, тут же засунул в рот оставшуюся половину и судорожно начал жевать, перемалывая молодыми, крепкими зубами и горьковатую корку, и сочную, брызжущую мякоть. Кстати, это оказалось непросто, даже самый маленький фрукт трудом помещался во рту целиком. Но разве такие мелочи могут остановить вечно голодного солдата-первогодка Советской Армии? Когда, толком не разжевав, проглотил терпко-сладкую кашицу, стало очень хорошо – и в желудке, и на душе. Угрызений совести – никаких. Только очень захотелось ещё. Интересно, а ящики взвешивают? Оказалось, что нет. За ними не надзирали, не взвешивали и не считали. Они заполнили ящиками небольшую подсобку и, не зная, куда складывать дальше, присели в коридоре на корточках. У каждого в объёмистом солдатском кармане было по несколько мандаринов. Теперь уже не спеша они их чистили и ели, складывая корки обратно в карман. В коридоре было тепло, витамины вкупе с глюкозой заметно насыщали организм и поднимали настроение, а впереди маячил ещё как минимум час халавы. Вот оно, армейское счастье, пока остальные мёрзнут на плацу. Снег, наверное, уже убрали, но теперь, скорее всего, Осокин зарядил Омельчука отрабатывать с батареей строевую подготовку. Или ещё хуже: разбились повзводно и замки лично контролируют индивидуальные «подход-отход». А что им, замкам? У них шерстяное бельё под гимнастёркой и шерстяные же носки в сапогах, а не тонкие полоски пор-

тянок, многократно севшие и свалявшиеся после многочисленных стирок, давно переставшие быть байковыми, но скорее напоминающие носовые платки. И вот весь взвод стоит на морозе перед казармой и смотрит, как каждый по очереди ходит строевым шагом и выполняет повороты на девяносто или сто восемьдесят градусов. Стоит и мёрзнет совершенно бессмысленно. А они сидят здесь в тепле и жрут мандарины. И сожрали уже – не счесть. Вот это и есть солдатское счастье! А не то, что в кино показывают. Да, кстати, про кино. Его привозят раз в неделю, по воскресеньям, и показывают в клубе перед ужином. В основном про войну. И теперь он совсем другими глазами смотрит эти фильмы. Гораздо лучше понимая, каково оно – быть на войне. И, понимая это, понимает, что они здесь – в санатории. И ныть нет никаких оснований. Кстати, многим приходится гораздо хуже, вон друг и одноклассник Женька пишет... Пользуясь теплом и бездельем, он достал из нагрудного кармана письмо с обратным адресом – Приморский край, Шкотовский район, п/о Петровка, в/ч 60098 «У»:

«Привет, Ромка!

Наконец-то Данила прислал твой адрес и появилась возможность написать тебе письмо. Я даже не знаю, с чего начать. Столько всего произошло за эти два месяца, как нас призвали. Ты знаешь, что я хотел попасть во флот, чтобы служить на корабле и ходить в боевые походы по морям и

океанам. Какой же я был дурак! В Пензе на ГСП я попросился зачислить меня в команду на флот, от которой все бежали, и меня легко туда записали. Кстати, мы попали в одну команду с Федей Пулиным. Помнишь, он тоже у Михалыча занимался одно время – левша, который Даниле нос сломал. Так Федя по дороге свалил. Я тогда думал, он просто отстал, а сейчас понимаю, что Федя оказался не дурак. А мы сначала ехали поездом до Куйбышева, а потом вылетели в Хабаровск с посадками в Новосибирске и Иркутске. А потом почти сутки ехали поездом от Хабаровска до Владивостока. Эта поездка оказалась единственным хорошим за всё это время. Ели и спали вволю. Во Владике нас сдали в экипаж формирования и комплектования ВМФ. Мы прошли медкомиссию и ждали распределения. Распределение шло независимо от нашего желания. Большинство попало в учебки для подготовки к службе на кораблях или подводных лодках. Я опять просился на корабль, но меня, поскольку я окончил водительские курсы при ДОСААФ, направили в береговую часть проходить переподготовку шоферов. Ноя буду служить всего два года! Теперь-то я уже понял, какое это счастье и как мне повезло! Особенно когда узнал, что творится в экипажах. В письме этого лучше не писать. Скажу только, что на кораблях молодыми считаются до полутора лет со всеми вытекающими. Полтора года ты просто не человек, ты хуже животного. А я попал в “отдельный дорожный батальон морской пехоты”. Правда, морской пехотой здесь даже не пах-

нет. Работаем целыми днями в автопарке или на территории. Это всё на улице – на ветру, на морозе. Климат здесь хреновый – сильные ветра с океана и очень высокая влажность. А сейчас ещё морозы ударили до минус тридцати. Днём работаем, а по ночам чистим картошку на камбузе или кидаем уголь в кочегарке. Но хуже всего – это разгрузка угля: всю ночь на морозе до самого утра. По морде получаю почти каждый день, как и все из нашего призыва, и никакой бокс здесь не поможет. Мы же “духи” и прав никаких не имеем. Любой “годок” может ударить чем угодно и без всякого повода. А если огрызнёшься, налетят толпой и так отмудохают, что сразу в госпиталь. А им ничего не будет. Никто даже не разбирается. “Упал с турника” – и всё! Офицеры всё знают, но их это устраивает. “Годки” поддерживают дисциплину, и они всегда правы. Я пробовал с другими “духами” договориться, чтобы всем вместе ответить “старикам”, но они – кто в лес, кто по дрова. Каждый думает только о себе. Все в основном из деревни. С Украины, из Татарии и чурбанов много – они и по-русски-то почти не говорят, терпят всё молча. Один парень нормальный из Тулы, но у него с ногами проблемы, наверное, комиссуют скоро. Или он вообще тут загнётся. Постепенно привыкаю ко всей этой ерунде, но иногда тоска нападает страшная и ужасно хочется домой или хотя бы поближе к дому, меня же закинуло дальше не бывает – сто километров от Владивостока, как раз между Японией и Китаем. Кругом одни сопки. Мы считаемся прикомандирован-

ными к батальону для переподготовки и живём не в казарме, как все, а в клубе, который почти не отапливается, и температура такая, что изо рта идёт пар. Умывальника и туалета у нас нет. Воду для приборок сливаем из чуть тёплой батареи. Сушиться тоже негде, ботинки постоянно промокают и сохнут на ногах. По ночам спим не раздеваясь, укрываемся шинелями. От холода и сырости постоянно хочется ссать и на улицу приходится выскакивать по три-четыре раза (и всегда на пределе терпения). Такая ерунда у всех и днём и ночью, бегаем постоянно. Болячки и царапины очень подолгу не заживают, а загнивают и нарываю. Говорят, это тоже от климата. У меня на руке болячка гниёт уже почти месяц, и ещё чирьи по всем ногам пошли. Еле отпросился в санчасть, а там пьяный фельдшер дал зелёнку и сказал мазать. Она ни хрена не помогает, я уже начал хромать. Снова пошёл в санчасть, а мичман опять пьяный и разорался, что я хочу от работы сачкануть. В общем, выгнал меня и пригрозил, если опять приду, он “годкам” скажет, что я от нарядов пытаюсь косить. А если писать о службе, то это вообще труба – гоняют как скотов. Никакой переподготовкой никто с нами не занимается. По плану у нас должны быть занятия по устройству и эксплуатации машин и вождению, а также политподготовка и физуха, но ничего нет. Вместо этого мы постоянно ходим в наряды, часто и подвое суток подряд – за стариков. В наряде я и встретил новый год, стоял на шлагбауме всю ночь, смена через два часа. Вообще, праздники здесь не радуют, а только

создают дополнительные проблемы – старики напиваются и пиздят всех подряд. Недавно сдавали экзамены по правилам и вождению. Но всё это только для отмазки. Правила все сдавали по шпаргалке, а вождение – вместо пятисот километров марша проехали по пять, и то не все. А штамп о переподготовке поставили всем. Никакой строевой у нас нет. Нет ни зарядки, ни физподготовки, и я чувствую, что худею и хилею с каждым днём. Жрать хочется постоянно. Хлеба к еде дают две буханки на десять человек, но всё равно – как его не хватает! Даже когда работаешь в столовой и нажираешься до сильной боли в животе, глаза всё равно жадные – и ещё ел бы и ел. Мама прислала посылку с тёплыми носками и перчатками и пензенскими конфетами, конечно. Перчатки спёрли в первый же день, а носки отняли “годки”. Только конфеты успел распахать по карманам. Воруют очень здорово, ничего нельзя оставить без присмотра, никакого товарищества нет и в помине. Каждый сам за себя. Подлецов и говна всякого очень много, но есть и хорошие ребята. Здесь сразу видно, кто есть кто. Эх, как жаль, что ты не рядом! Вместе мы бы отмахнулись даже от толпы, мне кажется. Или вместе поехали бы в госпиталь. Но главное, вместе легче оставаться человеком. А то я смотрю на некоторых, они уже превращаются в животных. Естественно, домой я ничего этого не пишу, только тебе, да и то далеко не всё. Мало ли, куда письмо попадёт. Домой пишу, что всё заебись и служу, как положено. Но так хочется поделиться тем, что на душе. Помнишь, как

мы всё обсуждали раньше – и девчонок, и планы на жизнь. Какие же мы были наивные. Сейчас ты, наверное, это тоже понимаешь! Ладно, заканчиваю. А то пишу это письмо уже неделю урывками, боюсь и не закончу. Хотя рассказать хочется ещё очень много – что я уже пережил и понял здесь. Ну ничего, будет и на нашей улице праздник! Очень жду от тебя письма. Крепко жму руку. Женя».

Из даты следовало, что письмо шло три недели. Ромка невидяще уставился в угол. Рядом что-то бубнил казах Сулейменов, но он не слушал – мысли унесли его в недавнее, но кажущееся невыносимо далёким прошлое. Год в Москве будто канул в Лету, вспоминался выпускной класс. Какие же они были счастливые и не понимали этого! Вот идут с Женькой с тренировки через старый парк и строят планы на будущее. Женька собирается поступать в военно-медицинскую академию в Ленинграде, как и его дядька, который после её окончания четыре года отслужил на подводной лодке, ходил в дальние походы. А сейчас служит в Грузии, заведующий кардиологическим отделением в госпитале ВМФ, уважаемый человек в Поты. Женька рассказывает, что все в городе стараются попасть к нему на приём, потому что почти все местные врачи-грузины свои дипломы купили. И все знают, что они в медицине ни хрена не петрят. А дядя Геня – грамотный специалист, у него в отделении первоклассное оборудование, к нему запись на месяц вперёд. «Никто

на приём без подарка не приходит – в Грузии так не принято, – свежие фрукты, домашнее вино и коньяк, живые барашки, а что ты смеёшься?» Да чего только нет – всё, что душа пожелает. У него уже машина «шестёрка», гаишники честь отдают. А один раз тормознули в воскресенье, а он выпивши. Ну перепугался, конечно, – сейчас, думает, права отнимут, какой позор! А ему гаишник говорит: «Товарищ доктор, откройте багажник, пожалуйста!» Он ничего не понимает, открыл, а гаишники как начали из своей машины таскать ящики с виноградом, с орехами, бутылки с вином трёхлигровые, банки с горным мёдом, сыры, колбасы домашние – и всё ему складывают. Он говорит: «В чём дело, ничего не понимаю?» «А... – говорят, – ты Дато Чхеидзе смотрел на прошлой неделе?» – «Смотрел». – «Ему лучше стало. Выздоровел! Это дядя начальника ГАИ – нашего начальника, и он велел передать тебе маленький презент!» А презент уже в багажник не помещается, и они на заднее сиденье складывают. А потом с мигалкой до дома проводили! Помнится, Ромка ещё посмеялся тогда, что Женькины мечты густо замешаны на материальном, и это как-то не вяжется с клятвой Гиппократов. Сам же он мечтал стать бойцом невидимого фронта, как герой романа Кожевникова «Щит и меч». А стал фарцовщиком...

– Эй, чего расселись? – это недовольный водитель грузовика.

Они вскочили;

– Нам складывать некуда... – Быстрее всего в армии учишься «включать дурака» и «косить» от любой работы.

– А что, не можете вдоль стенки ставить?

– Команды не было...

– Вот черти! – водитель решительным шагом направился на поиски заведующей или кого-то из продавцов. Тем временем в коридоре появилась пожилая уборщица:

– Ишь, натоптали, идолы! Ну-ка, марш отседова!

Они выскочили на улицу. Халява заканчивалась, как и всё на свете. Через пару минут на крыльце показалась заведующая:

– Так, мальчики, ящики ставим в коридоре вдоль стенки.

Это была холёная моложавая женщина лет сорока. Явно офицерская жена. Причём кого-то из комсостава, потому что должность у неё блатная – в гарнизоне вообще рабочих мест мало, а уж таких... Она скользнула по ним равнодушным взглядом, задержалась на Ромке, потом снова вернулась к нему и посмотрела прямо в глаза. Его аж в жар бросило. Несмотря на юный возраст, он был уже опытным мужчиной, как-никак год провёл в женском общежитии, и в таких взглядах разбирался. Она улыбнулась задумчиво, но не ему, а каким-то своим мыслям, развернулась и ушла, качнув приличным задом. Вместо неё на крыльце появился водитель грузовика и напутствовал их неакадемическим языком. Они бодро принялись таскать ящики, тем более что дело шло к ужину и затягивать процесс уже не имело никакого смысла. Всё

это время и потом, когда они уже шли в казарму мимо горящих окон гарнизона, где за занавесками шла обычная и такая прекрасная цивилизная жизнь, он не мог забыть этот взгляд и то, что за ним скрывалось. За два месяца он свыкся с мыслью – нет, хуже – в него вросло ощущение, что он не человек в полном смысле этого слова, но скорее представляет из себя неодушевлённое существо, стоящее на низшей ступени социальной иерархии и подчинённое буквально всем вплоть до тварей и идиотов. Что-то вроде евнуха в гареме, при котором прекрасные одалиски могут не стесняясь переодеваться, и при этом ни у них, ни у него ничто не дрогнет, не взволнуется. К счастью, эта корка уничижительного самоощущения оказалась весьма тонкой. Пока.

И снова караул. Он уже разводящий. То есть не стоит на посту сам, а разводит смены часовых по постам. Часовые ему подчиняются. С одной стороны, вроде бы лучше – не стоять на морозе. С другой, часовой отстоял два часа, вернулся и отдыхает две смены – ну, не так чтобы прямо отдыхает, но по крайней мере в тепле, в караулке. А разводящий через каждые час двадцать по сорок минут смены разводит – и ночью не прикорнёшь толком, и днём суeta. Плюс ответственность – уже не только за себя, но и за часовых. Кто бы из них ни накосячил, а с тебя тоже спросят. Вот этого он пока понять не мог. Как он может обеспечить выполнение статьи 161 УГиКС: «Разводящий отвечает за правильное и бдитель-

ное несение службы подчинёнными ему часовыми, за своевременную смену и выставление их на посты, за правильную сдачу и приём часовыми постов...»

Почему он должен отвечать за какого-то Эркимбаева и ещё с десятков сослуживцев, если те облажаются при проверке? Они одного призыва, одного звания, у него нет никаких практических рычагов воздействия на них, зато мёрзнут вместе, и койки рядом, и ничто не мешает устроить ему тёмную, если он будет строго следовать букве устава и «проверять перед отправлением караульных на посты знание ими своих обязанностей, а также оставлены ли ими в караульном помещении курительные и зажигательные принадлежности», например...

В итоге приходится как-то выкручиваться, кого-то убеждать, кого-то уговаривать по-дружески, а кому-то и пригрозить. Всё от каждого конкретного человека зависит, от его характера, психотипа. Но получается не очень пока. Некоторые на него косо поглядывают – вот, мол, выскочка нашёлся. Хотя какой он выскочка – не набивался, не просился, сверху назначили. Вот Пашке проще. Он тоже разводящий, но у него авторитет, возраст, да и сила за ним, чего скрывать. За каждым спокойным Пашкиным словом как бы нависает: «Сделай по-хорошему, иначе...» Если что, Ромка тоже может наварить, шесть лет боксом занимался. Но это как-то неочевидно со стороны, а доводить до мордобоя, чтобы доказать, не хочется. Как ещё аукнется – и по уставу, и по но-

чам... Все остальные, кроме москвичей, дружные, держатся вместе – узбеки, армяне, киргизы. Тот же Пашка хоть и татарин, но призывался из Ташкента и всё время с узбеками заодно. Также и Нодар Дубидзе – приземистый, неразговорчивый, стокилограммовый чемпион Узбекистана по вольной борьбе. Сам турок-месхетинец, но койка рядом с Пашкиной и в самой гуще узбекского ряда. Кто им что сделает? Москвичи же в массе своей какие-то нетвёрдые, неуверенные и неловкие – руки из жопы растут. Изнеженные по армейским меркам. К тому же каждый сам за себя. Недавно ситуация произошла, ему до сих пор вспоминать неловко и противно.

Он уже засыпал, когда с соседнего ряда коек, с которым они спали голова к голове, раздалась какая-то возня и смешки. Он очень удивился, чего это Боря Груздев не спит, да ещё и хихикает. А потом услышал громкий шёпот с явным акцентом: «Да ладно, ты его только поддержи...» – снова возня, но какая-то натужная, а потом придушенный и испуганный Борин голос: «Вы чё? Вы чё?» Ромке, выросшему в Пензе, в неблагополучном районе с сильными тюремными традициями, не надо было объяснять, что происходит на соседнем ряду. Борю, очевидно, опускали... Кровь ударила в голову, ему безразличен был изначально полный, а теперь сильно похудевший и какой-то сжавшийся бывший сапожник с Неглинки, над которым постоянно издевались армяне и не вступались земляки. Но чтобы вот так! «Вы чё, охуели?!» – Ромка сам не узнал свой яростный, свистящий шёпот. В момен-

те ему было безразлично, сколько там человек и какие могут быть последствия. В голове билась только одна мысль: «Почему молчат и делают вид, что спят, москвичи на соседних койках?!» Возня прекратилась, скрипнула железная сетка кровати, с которой кто-то тяжело поднялся, удаляющиеся шаги и всё те же смешки. И потом тишина, нарушаемая только старательным сопением сильно уставших и потому спящих военнослужащих...

На следующее утро к нему подошёл Витька Голубев, крупный парень с маленькой головой и большими губами, из Тёплого Стана. Они коротко переговорили и решили держаться вместе – двое всяко лучше, чем один. Витька договорился с Петраускасом, уступил ему свою нижнюю койку и теперь спал над Ромкой.

Он вёл предутреннюю смену с постов. Мороз стоял просто дикий, казалось, что воздух тонко звенит. Как-то визгливо поскрипывал снег под сапогами, и шедший сзади рядовой Халилов что-то монотонно бубнил в спину. От нечего делать Ромка прислушался. «...Замёрз как скотина, думай, если ты не придёшь ещё десять минут, точно сдохну. И было бы из-за чего! Какие-то пять развалюх охранял, они даже не заводятся – старые “зилки”. Если бы мой папа видел, как я мёрзну, он бы купил и подарил части пять новых машин!» «Совсем рехнулся от холода... – решил про себя Ромка. – Несёт око-лесицу., какой папа? Грузовики не продаются частным лицам. Да и стоили бы целое состояние!» А Шерзод продолжал

торопливо семенить сзади, неся карабин под мышкой, как полено, поскольку уже не мог держать его обмороженными руками. Ромка молился, чтобы не попасть на глаза дежурному, но и требовать от Шера большего не мог – видел, что тот на грани...

Откуда было знать рядовому Романову, что Халилов-старший, председатель Наманганского облисполкома, коммунист и мультимиллионер, у которого через несколько лет при обыске найдут миллионы советских рублей, валюту и семьсот килограммов золота в изделиях, легко мог исполнить то, что говорил его сын сейчас на этой заснеженной узкой тропинке. Мог, но и не подумал бы этого сделать. Он отправил сына в армию сознательно, чтобы тот стал мужчиной. Правда, для подстраховки в армию с ним отправились и двое телохранителей – Паша и Нодар, но этого и сам Шер не знал. Ему казалось, что он просто удачно подружился с ними уже здесь и они случайно спят справа и слева от него. А потом так же случайно распределятся в одну и ту же часть... Но это будет потом, а пока Шерзод Халилов, худенький бывший студент второго курса Ташкентского университета, имевший от армии индульгенцию, замёрз в этой проклятой армии так, что тихонько плакат на посту, пока никто не видит. Впрочем, слёзы тоже мгновенно замерзали, и он их коротко смахивал трёхпалой армейской рукавицей. Но здесь папа был прав, именно так и становятся мужчинами. Иначе – никак...

После этого случая в карауле он незаметно сдружился с Шером. У них неожиданно оказалось много общего. Оба призвались со второго курса университета, экономический факультет. Даже специальность оказалась одинаковой – планирование народного хозяйства. Только Ромка из Москвы, а Шер – из Ташкента. Шерзод оказался очень неглупым, хорошо образованным и воспитанным парнем, что в армии случалось весьма редко – ну не ходили такие ребята служить... Типичный солдат Советской армии – малообразованный сельский житель, а если городской, то бывший пэт-эушник. Практически во всех вузах были военные кафедры, кроме педов. Поэтому молодые дипломированные учителя слегка разбавляли однородно-серую солдатскую массу. Правда, с высшим образованием служили полтора года, но на первом году службы это никак им не могло помочь, если не наоборот. В соседнем взводе имелся целый бывший директор сельской школы откуда-то с Западной Украины, крупный и поначалу довольно тучный двадцативосьмилетний увалень в роговых очках. Рассказывали, что он повздорил с председателем колхоза и военком лично забрал его прямо из дома ранним утром за месяц до дня рождения. Господи, как же над ним издевались восемнадцатилетние сопляки! Ромке было очень больно наблюдать, как взрослый че-

ловек, жалко улыбаясь и едва сдерживая слёзы в близоруких глазах, сносит насмешки гогочущей толпы недорослей. Но всем не поможешь, ещё и себе проблем наживёшь. Богородство в армии совсем не в чести. Он как-то поделился этим наблюдением с Шером, на что тот совершенно спокойно заметил: если человек сам за себя не стоит, нельзя ему помогать, только оформшмачишься. За любой помощью должна скрываться какая-то выгода, хотя бы потенциальная. То есть безволие и трусость настолько бесприбыльны и токсичны, что могут заразить любого, кто их коснётся, – и защитника скорее, чем обидчика. Недаром в Индии существует каста неприкасаемых. Помнится, Ромку удивила такая жестокая, но зрелая позиция. Он не мог себе уяснить, откуда в домашнем, городском мальчике это понимание жизни. Через Шера он вошёл в узбекскую тусовку и скоро убедился, что эти ребята с окраины советской империи гораздо более сведущи и опытни в житейских реалиях, чем высокомерные столичные жители. Они исповедовали первобытный, но не потерявший актуальности и в обществе развитого социализма принцип – кто сильнее, тот и прав. И с детства придерживались его не на словах, а на деле. А потом уж цветистое восточное красноречие, просто чтобы замести следы. Или соблюсти этикет. Кому как больше нравится. Ромка вырос в похожей обстановке, разве что со словами у них в районе не заморачивались, называя вещи своими именами. Шер быстро подметил эту манеру и каждый раз неодобрительно качал головой, ко-

гда слышал неприкрытую прямоту. А один раз не выдержал и поговорил с Ромкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.